
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

А. С. ПУШКИНА

Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни поэта.

Чрезвычайно важно, для пониманія различныхъ эпохъ русской жизни, опредѣленіе нравственной сущности тѣхъ или другихъ политическихъ и общественныхъ взглядовъ и убѣжденій, которыми были проникнуты главные дѣятели эпохи, приковывавшіе въ себѣ вниманіе своихъ современниковъ. При этомъ вся трудность для изслѣдователя заключается преимущественно въ томъ, что русскіе образованные люди, судя по общему характеру ихъ жизни, какъ будто мало отличались другъ отъ друга, исповѣдывали какъ будто однѣ и тѣ же политическія идеи, говорили почти одно и то же, какъ въ области знанія, такъ и на публичной аренѣ литературы, занимались почти одними и тѣми же, не очень сложными и разнообразными предметами. Со всѣмъ тѣмъ, позднѣйшія монографіи и біографическія изысканія показали, что многіе изъ такихъ дѣятелей, кромѣ своего участія въ общемъ хорѣ, гдѣ дружно исполняли роль, случайно выпавшую на ихъ долю, еще имѣли свои затаенныя воззрѣнія на положеніе дѣлъ, свои правила морали, отличныя отъ тѣхъ, которыя требовались общимъ голосомъ, свою критическую оцѣнку окружающаго міра... Никогда и ни въ какія, даже наиболѣе тихія, строго-организованныя эпохи, не прекращалась у насъ внутренняя дѣятельность общественнаго сознанія, разработка новыхъ жизненныхъ идеаловъ, параллельно съ существующими на-лицо, не исчезало личное,

самостоятельное творчество въ способѣ пониманія и представленія явленій русской исторіи, любимыхъ идей, обычаевъ и увлеченій современности. А. С. Пушкинъ точно также имѣлъ свою домашнюю, секретную теорію разумнаго гражданскаго существованія, какъ и учителя его — Карамзинъ и Жуковский, но съ тою разницею, что послѣдніе пользовались возможностью доводить свои теоріи до свѣдѣнія оффиціального міра, между тѣмъ какъ Пушкинскія теоріи, которыя онъ обдумывалъ долгое время, должны были остаться при немъ одномъ, и притомъ въ необдѣланномъ, разбросанномъ, почти безсвязномъ видѣ. Много было уже у насъ попытокъ добраться до смысла истинныхъ политическихъ и общественныхъ убѣжденій Пушкина съ помощію самыхъ его произведеній и тѣхъ выводовъ, какіе они представляютъ, — но все-таки приговоры, основанные на этомъ критическомъ разборѣ, не могутъ имѣть достовѣрности личныхъ показаній и признаній автора. Всего чаще, подобные приговоры не принимаютъ въ соображеніе случайности поэтическаго настроенія, которымъ иногда выражается не подлинная мысль автора, а только мысль, навѣянная ему сюжетомъ, содержаніемъ его образа или его фантазіи. Подлинная мысль человѣка обрѣтается преимущественно въ его бесѣдахъ съ самимъ собою, наединѣ со своей совѣстію, при кабинетной повѣрѣ съ глазу-на-глазъ всего своего умственнаго достоянія. Между всѣми остатками такой литературной дѣятельности А. С. Пушкина, особенно печатью подлинной его мысли помѣчены черновые планы полемическихъ статей, заготовляемыхъ поэтомъ для «Литературной Газеты» барона А. А. Дельвига 1830 года, а затѣмъ отзвывы и сужденія Пушкина при перечнѣ указовъ и событій времени Петра I-го, за исторію котораго онъ принялся въ 1832 году, по порученію правительства. Передачей этой *подлинной мысли* Пушкина въ области политическихъ и общественныхъ вопросовъ мы теперь и займемся, не отказываясь, впрочемъ, и отъ задачи услѣдить ея болѣе или менѣе далекое отраженіе и на нѣкоторыхъ литературныхъ и поэтическихъ его произведеніяхъ; вообще, основная мысль Пушкина сохранилась, въ его бумагахъ, въ формѣ набросковъ, недоговоренныхъ положеній и отрывковъ, соединить которые въ нѣчто цѣлое и однородное представляло не маловажное затрудненіе и потребовало особеннаго труда и усилий.

I.

Настоящая цѣль изданія «Литературной Газеты» 1830—31 г. заключалась, какъ извѣстно, преимущественно въ томъ, чтобы образовать какой-либо оплотъ противъ журнальной монополіи, захваченной издателями «Сѣв. Пчелы» и «Сына Отечества», благодаря жалкой безпомощности самихъ писателей и апатическому характеру всего литературнаго міра. Монополія эта, какъ всегда бываетъ, тщательно наблюдала за тѣмъ, чтобы сохранить свое привилегированное положеніе всякими позволительными и непозволительными средствами. Оставляя въ сторонѣ всѣ ея *негласныя* старанія представить себя какъ единственную охранительницу интересовъ порядка и благочиній — достаточно упомянуть объ орудіяхъ, какія она употребляла, чтобы держать въ страхѣ передъ собой печать и пишущихъ. Орудіями этими служили, во-первыхъ, безустанное преслѣдованіе писателей *независимыхъ*, но еще не составившихъ себѣ имени; лесть и искательство передъ знаменитостями, если они обнаруживали расположеніе покрывать своимъ молчаніемъ заведенный порядокъ дѣлъ, — и наоборотъ — ругательства, клевета, позорные намеки всякаго рода, если они теряли терпѣніе и поднимали голосъ, а затѣмъ необычайное снисхожденіе, покровительство и жаркая рекомендація всякому ничтожеству и посредственности, которыя становились добровольно подъ иго монополіи и въ ней искали залоговъ успѣха и упроченнаго положенія въ печати. Монополія торжествовала. Благодаря заведенному ею террору въ литературномъ мірѣ, полному равнодушію образованнаго общества къ дѣламъ печати, и согласію, полученному ею, гдѣ слѣдуетъ, на предоставленіе простора въ приложеніи дисциплинарныхъ мѣръ къ непокорнымъ умамъ, — она превратила почти весь тогдашній, немногочисленный персоналъ русскихъ писателей въ льстецовъ, клеветовъ и агентовъ своихъ корыстныхъ цѣлей. Къ сожалѣнію, издатель «Московского Телеграфа», который могъ бы образовать относительно довольно сильную, самостоятельную и противодѣйствующую ей партію, тоже вошелъ въ ея интересы и пристроился къ ней, налуганный, вѣроятно, московской оппозиціей своему журналу, сильно обнаружившейся при появленіи соперничающаго «Московского Вѣстника», 1827.. а еще — вѣроятно же, по расчету обезоружить одного изъ членовъ монополіи, Ѳ. В. Булгарина — это типическое лицо своего времени, пользовавшееся довѣріемъ нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, несмотря на то, что постоянно вводило

ихъ въ ошибки своими сообщеніями. Горькій опытъ показалъ Н. А. Полевому, какъ невѣренъ былъ его расчетъ.

Ко всему этому слѣдуетъ еще присоединить первое появленіе у насъ памфлетической литературы. Съ альманахами — «Сѣверный Меркурій» 1829 г. и «Сѣверная Звѣзда» 1830—32, изданія М. А. Бестужева-Рюмина — на свѣтъ впервые выступалъ *низкій* родъ журнальной quasi-демократіи, руководимый враждебнымъ чувствомъ ко всѣмъ пріобрѣтеннымъ литературнымъ положеніямъ. Бестужевъ-Рюминъ отличался своего рода цѣпкостью, не связанъ былъ понятіями о приличіи и достоинствѣ своихъ сужденій и представлялъ ранній, хотя еще и тусклый образецъ бойца, который старается смѣлостію и наглостію выдти изъ толпы, гдѣ его удерживаютъ отсутствіе таланта и образованія. Такъ, въ одномъ изъ своихъ изданій Бестужевъ-Рюминъ развязно напечаталъ нѣсколько рукописныхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, безъ вѣдома автора, всегда боявшагося подобныхъ нескромностей, и подъ одними литерами «*Ал.*» Пушкинъ даже и не протестовалъ, наученный еще прежде опытомъ, что литературная собственность не признается въ его отечествѣ. Въ 1827 г. чиновникъ при Третьемъ Отдѣленіи, статскій совѣтникъ Ольдекопъ, перевелъ на нѣмецкій языкъ его «Кавказскаго плѣнника» и выпустилъ въ свѣтъ съ полнымъ русскимъ текстомъ *en regard*, что равнялось новому, самовольному изданію поэмы. Всѣ усилія Пушкина — добиться защиты своихъ правъ, обращавшагося за этимъ въ ближайшему начальству смѣлаго переводчика — остались безуспѣшны. Оскорбленный авторъ, махнувъ рукой, тогда же и сказалъ: «Ну, и чортъ съ нимъ, если на него нѣтъ суда».

Въ такомъ видѣ и съ такими нравами и обычаями влачила свои дни журналистика и печать русская въ началу 1830 г.

Понятно, послѣ того, заявленіе, сдѣланное «Литературной Газетой», на первыхъ же порахъ, о своемъ намѣреніи поднять литературную критику изъ ея прискорбнаго состоянія и предоставить поле дѣятельности для *писателей, которые не могутъ участвовать ни въ одномъ изъ Петербургскихъ и Московскихъ журналовъ*. Заявленіе было написано Пушкинымъ и содержало правдивый фактъ. Послѣ прекращенія «Московскаго Вѣстника», цѣлая группа, и самая значительная, — литераторовъ, въ которой числились такия лица, какъ В. А. Жуковскій, Е. А. Баратынскій, князь П. А. Вяземскій, И. А. Крыловъ, П. А. Катенинъ, и наконецъ, самъ Пушкинъ — дѣйствительно не имѣла органа. Группѣ этой именно и принадлежитъ какъ первая мысль объ основаніи газеты, такъ и выборъ редактора для нея. По общему соглашенію, въ редак-

торы былъ призванъ А. А. Дельвигъ, пользовавшійся репутаціей очень тонкаго критика и имѣвшій за собой преимущество почти безотлучнаго пребыванія въ Петербургѣ. Правда, всѣ эти основатели газеты помогали ей впослѣдствіи болѣе совѣтами, чѣмъ произведеніями своими, за исключеніемъ одного И. А. Брылова, давшаго ей значительный вкладъ новыхъ басенъ своихъ; а между тѣмъ совокупныя ихъ усилія были бы совершенно необходимы для того, чтобы бороться съ такими опытными и изворотливыми врагами, какіе поджидали новый журналъ. Душой его сдѣлался Пушкинъ. Онъ принялъ на себя важнѣйшую, полемическую часть газеты, и повелъ ее, какъ увидимъ, съ такимъ пыломъ и въ такомъ рѣшительномъ, беспощадномъ тонѣ, какой до того еще и не былъ знакомъ въ нашей литературѣ. Монополія тотчасъ же распознала грозившую ей опасность, и для отвращенія ея собрала всѣ свои силы литературныя, а также и тѣ, которыми располагала *она* литературы. Вспомоществуемая въ то же время памфлетическими выходками Бестужевской школы, она очень искусно перенесла вопросъ о причинахъ появленія новаго журнала на политическую почву, назвавъ издателей и сторонниковъ «Литературной Газеты» — кружкомъ людей, желающихъ выдѣлиться изъ общаго положенія, существующаго для литераторовъ, и стать особнякомъ, образовать партію знаменитостей, водворить «принципъ аристократизма» тамъ, гдѣ его быть не можетъ, и направлять общественную мысль, въ смыслъ этого принципа. Этотъ опасный, при тогдашнемъ режимѣ, намевъ и дерзкій вызовъ, брошенные монополіей въ такомъ видѣ, были подняты «Литературной Газетой», или, лучше, ея вдохновителемъ, Пушкинымъ — съ необычайной энергіей. Теперь уже вполне извѣстно, что именно Пушкинъ былъ отчасти составителемъ, а отчасти внушителемъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ полемическихъ замѣтокъ, въ которыхъ участіе избраннаго круга людей въ дѣлахъ общества и литературы объявлялось желательнымъ и въ то время необходимымъ для поднятія строя жизни и уровня мысли въ государствѣ. Въ противоположность съ задачами и цѣлями, какія можетъ имѣть подобный избранный кругъ, публицистъ «Литературной Газеты» поставлялъ на видъ задачи какаго-нибудь проходимца-литератора, въ родѣ Видова, — и дѣйствительно, статья Пушкина о запискахъ этого сыщика, въ № 20 «Литературной Газеты», нанесла чувствительный ударъ Булгарину, какъ нравственной личности. Далѣе, тотъ же публицистъ клеймилъ ядовитыми эпиграммами враговъ всякой умственной и моральной возвышенности въ людяхъ, какъ признака аристократизма (ср. эпиграмму Пушкина на того же Булгарина),

нымъ. «Разговоръ» такъ и остался въ бумагахъ Пушкина въ томъ необдѣланномъ еще видѣ, въ какомъ мы здѣсь и приводимъ его ¹⁾:

«А. Читалъ ты замѣчаніе въ «Литературной Газетѣ», гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII-го столѣтія?—Б. Читалъ.—А. Какъ же ты его находишь?—Б. Довольно неумѣстнымъ ²⁾.—А. Конечно—иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!..—Б. Согласенъ.—А. Русскіе журналисты не заслуживали такого презрительнаго сравненія.—Б. А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.—А. Какъ такъ?—Б. Я было тебя не понималъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя. Томасъ, Дюкльд, Шамфюръ—были столь же умные, какъ и честные люди—не безпримѣрные гени, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.—А. Въ «Литературной Газетѣ» сказано, что эпиграммы ихъ приготовили крики: à la lanterne! Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы произвели французскую революцію?—Б. О французской революціи «Литературная Газета» молчитъ—и хорошо дѣлаетъ.—А. Помилуй, да посмотри—les aristocrates à la lanterne, ça ira, и т. д.—Б. И ты тутъ видишь французскую революцію?—А. А ты что тутъ видишь, если смѣю спросить?—Б. Одинъ жалкій эпизодъ французской революціи—гадкую фарсу въ огромной драмѣ.—А. Такъ видно—ты стоишь за «Литературную Газету». Давно-ль ты сдѣлался аристократомъ?—Б. Какъ, аристократомъ? Что такое аристократъ!—А. Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь ли: издатель «Литературной Газеты» и сотрудники его, и читатели его—все аристократы!—Б. Воля твоя, я смысла тутъ не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я

¹⁾ Для библиографовъ и для будущаго истинно-полнаго собранія сочиненій Пушкина, мы можемъ еще привести замѣтки его, появившіяся въ смѣси „Литературной Газеты“ и не попавшія ни въ одинъ изъ сборниковъ его твореній. Таковы: № 10, стр. 98—о князѣ Вяземскомъ; № 12, стр. 98—о карикатурѣ въ Англіи, которая содержитъ намекъ на Н. А. Полеваго; № 16, стр. 129—о гекзаметрахъ Мерзлякова, въ сравненіи съ гекзаметрами Дельвига; № 20, стр. 162—отвѣтъ критику, объявившему при разборѣ одного литературнаго сборника, что нѣтъ причинъ сожалѣть объ отсутствіи въ немъ знаменитыхъ писателей; № 36, стр. 293—вторая замѣтка о неблагоприятности нападокъ на дворянство.

²⁾ Этого Б., какъ выразитель Пушкинскихъ мнѣній, имѣеть въ виду еще и литературную полицію, также встревоженную рѣзкою замѣткой.

читаю «Литературную Газету», ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія: мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ «Литературной Газетѣ» ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. Дворяне ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступаясь за грамотное купечество, въ лицѣ г. Полевого—они сдѣлали хорошо; заступая нынѣ за просвѣщенное дворянство—они сдѣлали еще лучше.—А. А что значить: avis au lecteur! Къ кому это относится? Ты скажешь—къ журналистамъ, а я такъ думаю—не къ цензурѣ ли?—Б. Да хоть бы и къ цензурѣ—что за бѣда?.. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ, потому только, что оно такое сословіе, а не другое—не хорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и императрицахъ и по бѣдшей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго, состоянія, въ которому принадлежить и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ официальной газетѣ) не хорошо и даже неблагоприятно.—А. Почему же статья «Литературной Газеты» показала неблагонамѣренной многимъ?—Б. Потому, что политическіе вопросы никогда не были у насъ разбираемы. Журналы наши, не нарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Демократическіе наши журналы (въ прямомъ или переносномъ смыслѣ), нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ «Газетѣ». Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость. Знаешь ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю «Литературной Газеты» — чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданье.—А. И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они, впрочемъ, ни происходили. Повредить замѣчаніемъ нельзя. Образъ мнѣнія почтенныхъ издателей «Сѣверной Пчелы»—*слишкомъ хорошо* извѣстенъ, и «Литературная Газета» повредить имъ

не можетъ, а г. Полевой, въ ихъ компаніи и подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть тоже безопасенъ».

Въ этомъ отрывкѣ есть небольшая тирада, уже однажды нами приведенная («Пушкинъ въ Александровскую эпоху»), о нападкахъ журналистики преимущественно на остатки старыхъ дворянскихъ родовъ, лишенныхъ всякаго политическаго значенія, но мы предпочли, вмѣсто опущенія ея—повторить теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ ее встрѣтили въ первый разъ.

Когда, вслѣдствіе запрещенія, оказалось невозможнымъ продолжать споръ въ томъ полемическомъ тонѣ, какой онъ принялъ съ самаго начала, Пушкинъ перешелъ къ мысли возобновить его въ болѣе спокойной, объективной формѣ руководящихъ статей и трактатовъ, которые бы могли найти уже безопасный пріютъ въ той же «Литературной Газетѣ» и сообщить ей общественно-политическій отбѣновъ. На душѣ его лежало:—съ одной стороны, объяснить роль либеральной, прогрессивной, патриотической аристократіи въ государствахъ, которые ею обладаютъ, а съ другой—открыть въ современной литературѣ эру разработки политическихъ вопросовъ, какъ нѣкогда сдѣлалъ это Карамзинъ для своей эпохи въ своемъ журналѣ «Вѣстникъ Европы» (1802—1803 гг.). Пушкинъ принялся набрасывать программы и конспекты для статей *съ направленіемъ*,—но покуда намѣчалъ онъ существенныя черты и ходы будущей своей работы, сама «Литературная Газета» была приостановлена. Поводомъ къ этой мѣрѣ послужило нѣсколько переводныхъ стиховъ изъ воззванія Казимира Делавина къ бойцамъ іюльскаго переворота, тогда прогремѣвшаго во Франціи и попавшихъ въ газету совершенно случайно, какъ дополненіе печатной страницы, и притомъ всего болѣе за свою форму, такъ какъ сочувствіе къ историческому факту, который упоминался въ стихахъ—ни Дельвигъ и никто изъ литераторовъ не могли питать по простой причинѣ, которую раздѣляли со всѣмъ нашимъ обществомъ того времени: они не имѣли вовсе никакого мнѣнія о немъ. Распоряженіе это однакоже сопровождалось печальными послѣдствіями для Дельвига. Онъ призванъ былъ къ отвѣту генераломъ Бенкендорфомъ, и при этомъ вытерпѣлъ такую бурю подозрѣній, угрозъ и оскорбленій, что она потрясла физическій и нравственный его организмъ. Онъ заперся въ своемъ домѣ, завелъ карты, дотолѣ не видѣнный въ немъ, никуда не показывался и никого не принималъ, кромѣ своихъ близкихъ. Подъ дѣйствіемъ такого образа жизни и глубоко-почувствованнаго огорченія можно было опа-

саться, что первая серьезная болѣзнь унесетъ всѣ его силы. Такъ и случилось—болѣзнь не заставила себя ждать и быстро свела его въ могилу (14 января 1830 г.). «Литературная Газета», однакоже, послѣ довольно долгаго перерыва явилась опять на свѣтъ, подъ редакціей извѣстнаго тогда составителя безцвѣтныхъ «обозрѣній Русской Словесности» для альманаховъ—Ореста Сомова, и въ рукахъ его продолжала еще существовать нѣкоторое время, нивѣмъ уже болѣе не тревожимая, но и никому ненужная. Пушкинъ отложилъ въ сторону всѣ планы статей для журнала, пересталъ думать о нихъ, и наконецъ, позабылъ вовсе объ ихъ существованіи...

Но они стоютъ того, чтобы вывести ихъ изъ забвенія, на которое были обречены. Какъ еще ни безсвязны, ни сжаты и лаконичны всѣ эти проекты неосуществленнаго труда, потребовавшія отъ насъ объясненій гораздо болѣе пространныхъ, чѣмъ они сами; какъ ни важутся съ перваго вида многіе изъ тезисовъ, тутъ приведенныхъ, рѣзко парадоксальными и неумѣренно-горячими по выраженію (недостатки, которые вѣроятно были бы сглажены или обойдены при обработкѣ ихъ),—но въ своей совокупности эти программы автора представляютъ довольно ясно и отчетливо существенныя черты и коренныя основанія полной политической теоріи, законченнаго ученія, цѣльнаго историческаго созерцанія. Оно нажито было Пушкинымъ долгими размышленіями о способѣ выяснитъ себѣ современное ему положеніе общества, найти точку отправленія для своей мысли, и всего болѣе созрѣло въ бесѣдахъ съ людьми, занимавшимися тѣми же поисками за отчетливымъ опредѣленіемъ своей эпохи въ прошлое царствованіе. Вотъ, почему теорія Пушкина, какъ она создается изъ сложенія и возстановленія всѣхъ отрывковъ, оставшихся послѣ нея, имѣетъ двойное значеніе: во-первыхъ, какъ вѣрное отраженіе весьма любопытной и важной стороны Александровской эпохи, которой Пушкинъ былъ вѣрнымъ представителемъ, и во-вторыхъ, какъ документъ, далеко не лишенный интереса для занимающихся исторіей идей, которыя въ разное время посѣщали умы нашего образованнаго общества. Между прочимъ, мы убѣждены, что извѣстный, глубоко-сочувственный, почти восторженный отзывъ Мицкевича о «политическомъ» смыслѣ Пушкина возникъ преимущественно изъ знакомства съ основными чертами этой самой теоріи, которая уже давно народилась и созрѣвала въ головѣ ея автора. Приводимъ, по порядку, первый образчикъ Пушкинскихъ программъ:

«Что такое потомственное дворянство?—Сословіе народа высшее, т.-е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы.—Кѣмъ?—Народомъ, или его представителями.—Съ какою цѣлью?—Съ цѣлью имѣть мощныхъ защитниковъ (народа), или близкихъ и непосредственныхъ въ властямъ представителей.—Какіе люди составляютъ сіе сословіе?—Люди, которые имѣютъ время заниматься чужими дѣлами.—Кто сіи люди?—Отмѣнные по своему богатству или образу жизни.—Почему такъ?—Богатство доставляетъ способъ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву *du souverain*. Образъ жизни, т.-е. не ремесленный или земледѣльческій, ибо все сіе налагаетъ на работника или земледѣльца различныя узы.—Почему такъ?—Земледѣлецъ зависитъ отъ земли, имъ обработанной, и болѣе всѣхъ неволенъ; ремесленникъ—отъ числа требователей торговыхъ, отъ мастеровъ и покупателей.—Нужно ли для дворянства пригготовительное воспитаніе?—Нужно.—Чему учится дворянство?—Независимости, храбрости, благородству, *чести* вообще.—Не суть ли сіи качества природныя?—Такъ, но образъ жизни можетъ ихъ развить, усилить или задушить.—Нужны ли они въ народѣ, также, какъ, напримѣръ, трудолюбіе?—Нужны, и дворянство—*la sauve-garde* трудолюбиваго класса, которому некогда развивать сіи качества».

Къ этимъ, едва намѣченнымъ мыслямъ ѵ во многихъ мѣстахъ не вполне дописаннымъ фразамъ есть еще у Пушкина дополненіе, которое можетъ служить имъ и комментариемъ. Оно состоитъ также изъ вопросовъ и отвѣтовъ:

«Что составляетъ дворянство въ республикѣ?—Богатые люди, которыми народъ кормится.—А въ государствѣ?—Военные люди, которые составляютъ войско государево.—Чѣмъ *кончается* (погибаетъ) дворянство въ республикѣ?—Аристократіей правъ.—А въ государствѣ?—Рабствомъ народа. А=В».

Какъ ни лаконичны по своей формѣ всѣ эти замѣтки, но, повторяемъ, смыслъ ихъ кажется намъ вполне яснымъ. Не видя возможности для крѣпостного тогда народа, ни способности въ немъ—самому заботиться о своей участи, и возлагая на дворянство историческую миссію служить ему опорой и защитой—Пушкинъ ставитъ и необходимыя условія для подобной дѣятельности. Она «кончается»—говоритъ онъ—а съ ней и государственное значеніе сословія, если оптиматы въ республиканскихъ обществахъ

соберутся въ одну эгоистическую замѣнутую касту («аристократія правъ»), или когда при другихъ формахъ правленія благосостояніе и вліяніе дворянства будетъ созидаться — независимо или даже въ противоположность процвѣтанію всего народа.

Естественно, что придавая такое народовоспитательное и политическое значеніе потомственному независимому дворянству въ государствѣ, Пушкинъ долженъ былъ считать всѣ факты и явленія русской исторіи, помѣшавшіе развитію у насъ боярскаго института и не позволившія ему исполнить свое историческое призваніе — фактами и явленіями въ высшей степени печальными. Такъ, онъ сожалѣлъ объ отмѣнѣ мѣстничества и уничтоженіи разрядовъ, что, по его мнѣнію, произошло совсѣмъ не изъ видовъ настоятельной, государственной потребности, а изъ домогательства и соперничества мелкихъ дворянскихъ родовъ, завистливо смотрѣвшихъ на привилегіи старшихъ своихъ собратій, да и тутъ еще Пушкинъ не признавалъ «соборный приговоръ» при царѣ Ѳеодорѣ окончательнымъ устраненіемъ мѣстничества. Оно еще довольно долго существовало, по его мнѣнію, и послѣ того, и всѣ разрядные списки, хотя и сожженные оффиціально, управляли еще дѣловымъ русскимъ міромъ и жили всецѣло въ памяти людей, вплоть до Петра I, окончательно похоронившаго ихъ *табелю о рангахъ*. Въ этомъ смыслѣ, личность Петра I, создавшая такую полную систему подчиненія всѣхъ свободныхъ людей, всякаго чина и званія, одной безотвѣтной службѣ государству, гдѣ они и *сравняются* — являлась Пушкину, какъ личность, по преимуществу, революціонная, и порядокъ, ею водворенный на Руси, революціоннымъ. «Пора кончить революцію въ Россіи!» — восклицаетъ онъ въ разныхъ мѣстахъ своей переписки съ друзьями, а кончать ее иначе нельзя, по его воззрѣнію, какъ созданіемъ въ лицѣ имущественно и политически самостоятельнаго дворянства — сильнаго оплота противъ озлобленнаго класса выходцевъ изъ народа съ одной стороны, и помѣщичьей наклонности — при держиваться азіатскихъ порядковъ существованія и въ нихъ искать своего спасенія — съ другой. Обѣ эти тенденціи представляли для него совершенно одинаковыя величины: $A=B$, — употребляемъ его формулу. «Наслѣдственныя преимущества — говорилъ онъ — высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ, классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности».

Какъ еще ни благоговѣлъ Пушкинъ передъ цивилизаторскою дѣятельностію Петра I, но нѣкоторые изъ его внутреннихъ по государству распоряженій имѣли силу возбуждать въ немъ горь

ное чувство сомнѣнія, что отразилось и въ предварительныхъ очеркахъ исторіи Петра I, за которую онъ принялся въ 1832 году, — но объ этомъ скажемъ подробнѣе ниже. Покажѣмъ онъ смотрѣлъ на Петра единственно какъ на безжалостнаго истребителя единственнаго сословія, которое еще могло умѣрять его порывы и увлеченія. Онъ называлъ его соединеніемъ Робеспьера и Наполеона, — въ одномъ лицѣ воплощеніемъ всей революціи.

«Вотъ уже 150 лѣтъ, — восклицалъ онъ, — что «Табель о рангахъ» сметаетъ дворянство въ одну кучу (que la «Табель о рангахъ» balaye la noblesse), а затѣмъ уничтоженіе майоратства хитростнымъ (плутовскимъ, употребляя его терминъ) образомъ при Аннѣ Ивановнѣ и довершило паденіе передоваго класса, начатое «Табелью». — Что изъ этого слѣдуетъ, — прибавлялъ Пушкинъ: — восшествіе Екатерины II, 14 декабря и т. д.». Пушкинъ до того сроднился со своимъ представленіемъ о революціонномъ характерѣ многихъ мѣропріятій Петра и другихъ, за нимъ послѣдовавшихъ, въ томъ же духѣ, что рассказываетъ самъ въ «Запискахъ» своихъ, какъ однажды и гораздо позднѣе описываемой эпохи, посѣтивъ однажды покойнаго великаго князя Михаила Павловича, сказалъ ему въ глаза на разставаньи: — Je connais bien votre famille. Les R*—ont été de tout temps révolutionnaires». «Спасибо, — отвѣчалъ шутя великій князь, — что наградила новымъ качествомъ: намъ его не доставало».

Въ томъ же порядкѣ идей и подъ вліяніемъ тѣхъ же представлений шли у Пушкина и историческія изслѣдованія до-петровской старины, ближайшимъ поводомъ къ которымъ было появленіе «Исторіи русскаго народа», Полевого. Въ другомъ мѣстѣ (см. «Матеріалы для біографіи Пушкина», 1855 года) указаны были образцы этихъ набѣговъ на русскую исторію, подъ руководствомъ предвзятой мысли и *априористическаго* метода заниматься ея вопросами, который, какъ видно и изъ предшествующихъ выписокъ, вошелъ у него въ обычай; этимъ Пушкинъ опять связывался съ Александровской эпохой, не знавшей другого метода изслѣдованія. «Исторія» Полевого, вдобавокъ, отрывала еще къ нему и широкую дорогу, будучи сама собраніемъ догадокъ, болѣе или менѣе спорныхъ, и попыткой отыскать ключъ къ уразумѣнію лѣтописныхъ русскыхъ данныхъ въ трудахъ западныхъ писателей, объяснявшихъ лѣтописи другихъ народовъ. Особенно первые томы этой «Исторіи» представляли массу фальшивыхъ аналогій между фактами западнаго происхожденія и явленіями русскаго міра, которыхъ сводить вмѣстѣ было любимымъ упражненіемъ автора. При кропотливости университетской

официальной исторической науки, которая замѣнила торжественность и самоувѣренность прежней Карамзинской школы перечетомъ лѣтописныхъ сказаній и повтореніемъ буквального ихъ смысла, не заботясь о своеобразной племенной народной жизни, за ними скрывавшейся,—«Исторія» Полевого должна была показаться дерзостью. Составитель ея, однако же, предчувствовалъ, какъ теперь уже почти всѣми признано, нѣкоторыя изъ задачъ будущаго русскаго историка, но для обработки ихъ ему недоставало научной подготовки и первыхъ необходимыхъ свѣдѣній объ особенностяхъ славянской культуры, объ идеяхъ и представленіяхъ, управлявшихъ славянскимъ міромъ и опредѣлившихъ его судьбу и развитіе. Иначе и быть не могло: важнѣйшія изслѣдованія, освѣтившія и выдвинувшія на первый планъ всѣ эти вопросы, явились гораздо позднѣе. Весьма понятно, что присяжные ученые отнесли къ труду Полевого въ рѣзкихъ статьяхъ своихъ со злобой и презрѣніемъ напрасно потревоженныхъ людей, но гораздо труднѣе понять—почему вознегодовали на него дилеттанты исторической науки, которыхъ тогда было много въ обществѣ, и которые не менѣе критикуемаго автора обладали произвольными взглядами на прошлое Руси, почерпнутыми отовсюду, кромѣ изученія предмета. Тайна объясняется тѣмъ, что построеніе гипотезъ всегда у нихъ имѣло въ виду коронованіе русской исторіи самыми дорогими (и въ сущности вовсе ненужными) вѣнцами, а у Полевого сопровождалось скептическими замашками... Фантазія съ отрицающимъ характеромъ казалась уже нестерпимой. Пушкинъ тоже возсталъ противъ нея.

Извѣстно, что онъ напечаталъ въ «Литературной Газетѣ» критическую статью объ «Исторіи» Полевого, тотчасъ по выходѣ ея 1-го тома. За ней должна была слѣдовать другая, приготовленія къ которой остались въ его бумагахъ. Все та же главная, господствующая тема его созерцанія управлять и здѣсь его сужденіями, просвѣчивая сквозь всѣ полемическіе приемы и возраженія, и обнаруживая себя даже и тамъ, гдѣ, казалось, сословному вопросу не могло быть и мѣста. Предлогомъ для ввода послѣдняго въ изслѣдованіе московскаго періода нашей исторіи послужилъ взглядъ Полевого на удѣльную систему, какъ на проявленіе въ русской формѣ западнаго феодализма. Пушкинъ приступилъ тотчасъ же къ опроверженію этого мнѣнія, и въ отрывкѣ, приведенномъ нами прежде (въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855), старался собрать данныя для показанія несостоятельности такого предположенія. Въ этомъ отрывкѣ, направленномъ противъ мысли Полевого, Пушкинъ противопо-

ставлялъ феодализму институтъ боярства, который ничего общаго съ первымъ не имѣлъ, и онъ восходилъ изъ этого противопоставленія до опредѣленія разницы въ духѣ и характерѣ западныхъ русскихъ «среднихъ вѣковъ». Содержаніе и мысль этого отрывка Пушкинъ именно и собирался превратить во вторую статью объ «Исторіи» Полевого. Здѣсь мы дополняемъ отрывокъ только одной небольшой, но очень характерной замѣткой автора, не попавшей въ свое время въ печать, отсылая читателя за полнымъ содержаніемъ программы къ «Матеріаламъ» 1855 года. Опровергая Полевого, Пушкинъ, какъ оказывается и по другимъ источникамъ, еще сожалѣлъ объ отсутствіи въ нашей исторіи такого явленія, какъ феодализмъ. По его мнѣнію, феодальный институтъ въ своемъ естественномъ развитіи и перерожденіи могъ бы осѣсться у насъ въ видѣ перваго опыта къ учрежденіямъ независимости (верхняя палата), и вызвать второй, который ни чѣмъ другимъ не могъ быть, какъ собраніемъ общинныхъ представителей (Common-house). Вотъ, какъ резюмируетъ самъ авторъ свою фантастическую постройку въ дополнительной части программы, о которой мы говоримъ:

«Феодализмъ могъ бы развиваться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины—были бы второй), но онъ не успѣлъ... Мѣсто феодализма заступила аристократія.—Какое время силы нашего боярства?—Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами.—Когда пало боярство?—При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться.—Были ли дворянскія грамоты?—Минуть!—Было ли зло мѣстничество?.. Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено?—*Петръ*».

Другая проба высказать свои убѣжденія была сдѣлана Пушкинымъ уже на беллетристической аренѣ, но и тутъ ей не болѣе посчастливилось, чѣмъ въ первыхъ двухъ пробахъ. Махнувъ рукой, послѣ запрещенія «Литературной Газеты», на проекты статей, ей предназначавшихся, Пушкинъ не потерялъ нити своей политической доктрины, а только перенесъ ее, спустя 3—4 года (1833—34 г.), въ повѣсти и рассказы, гдѣ она, какъ красная нитка, и заплегалась въ ткань ихъ романической интриги. При печатаніи, однако-жь, этихъ произведеній — уже послѣ смерти автора — мѣста, содержащія намеки на эту доктрину, подверглись исключенію, и красная нитка только кое-гдѣ и ключьями осталась на поверхности разсказовъ. Понятно, что въ беллетристическомъ изложеніи политическая доктрина могла обнаружить только часть своего содержанія, только ту сторону свою, которая

обращена была на освѣщеніе нравовъ общества, идей, въ немъ живущихъ и выведенныхъ типовъ. Все прочее оставалось въ полу-мракѣ. На творческомъ станкѣ доктрина потеряла много въ объемѣ, но неизмѣримо выиграла въ блескѣ и цѣнности. Набрасывая свои повѣствовательные отрывки, Пушкинъ уже становится замѣчательнымъ нравоучителемъ, хотя и не покидаетъ своей горячей защиты правъ высшаго просвѣщеннаго сословія. Уваженіе къ предкамъ онъ считаетъ нравственной силой, укрѣпляющей волю, создающей *характеры*, ставящей высокія жизненные цѣли, и возвышается до степени ядовитаго сатирика и негодующаго патріота, когда принимается обличать слѣпоту и пустоту русскаго образованнаго общества, совершенно позабывшаго все свое прошлое для того, чтобы помнить только мелкіе и пошлые интересы дневного существованія, заниматься и питаться вопросами самаго низменнаго свойства, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, къ какимъ способны бываютъ единственно люди, живущіе безъ идеаловъ. Сочувственное отношеніе къ старинѣ, къ исторіи и культурѣ предковъ, лежавшее скрытно въ основѣ всѣхъ политическихъ теорій автора, здѣсь выдѣлилось уже въ пламенную рѣчь и горячую проповѣдь, — и приходится сказать, что проповѣдь эта чуть ли не составляла и самое существенное и единственно-плодотворное зерно всего его ученія.

Извѣстно, что въ послѣднее время своей жизни поэтъ нерѣдко переводилъ на вымысленныя имъ лица нѣкоторыя черты собственнаго своего созерцанія, подѣ-часъ даже особенности своего характера, полученные психическимъ анализомъ своей личности и духовной природы, какъ было уже замѣчено нами прежде, при разборѣ его произведеній и, между прочимъ, при изложеніи исторіи происхожденія пьесы «Импровизаторъ», гдѣ лицо героя представляетъ уменьшенное отраженіе нравственнаго облика самого автора. Другой примѣръ прививки своихъ воззрѣній и убѣжденій къ вымысленному лицу поэтъ представилъ въ извѣстномъ разсказѣ: «Разговоръ вечеромъ на раутѣ». Весь этотъ разговоръ намъ кажется передачей дѣйствительной бесѣды, слышанной авторомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ какомъ-либо изъ аристократическихъ и дипломатическихъ салоновъ Петербурга, куда онъ былъ вхожъ. Въ рукописи разговоръ кончается слѣдующимъ мѣстомъ, которое — можетъ быть — пріятно будетъ встрѣтить читателямъ, послѣ полувѣкового сна его подъ спудомъ, хотя въ сущности оно представляетъ не болѣе, какъ повтореніе и развитіе уже извѣстной, излюбленной Пушкинскою тѣмы. Мѣсто на-

чинается вопросомъ одного изъ собесѣдниковъ, именно иностраннаго *дипломата*, о русской аристократіи — и завершается отвѣтомъ его русскаго собесѣдника, устами котораго говоритъ уже самъ авторъ. Иностраннѣй дипломатъ открываетъ бесѣду замѣчаніемъ:

— «Вы упомянули о вашей аристократіи: что такое ваша аристократія? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наследственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ, кажется. Между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство, и доступъ къ оному ни чѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша, такъ-называемая, аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ?»

— «Вы ошибаетесь, — отвѣчалъ онъ, древнее русское дворянство вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, у насъ въ неизвѣстности и составило родъ третьяго сословія. Благородная чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха, но настоящая наша аристократія съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древніе роды ихъ восходятъ до Петра и Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы — вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ укоръ ихъ достоинствамъ. Достоинство всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ слѣсъ какого-нибудь Монморанси, перваго христіанскаго барона. Я, напримѣръ, — продолжалъ русскій — не могъ бы отыскать въ хроникахъ моего родоначальника. Знаю только, что предки мои сражались близъ Александра Невскаго, были у трона Ивана IV и возвели на престолъ... но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшили бы многихъ. Мы такъ положительны, что прошедшее для насъ не существуетъ: Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Мы на волѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ, но очарованіе древности, благодарность къ прошедшему и уваженіе къ нравственнымъ качествамъ, у насъ... — Забудьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности».

Эта горячая діатриба, направленная столько же противъ суетной фамиліи слѣси, сколько и противъ пренебреженія всѣхъ семейныхъ преданій, еще уступаетъ въ выразительности и яркости другой такой же діатрибѣ, встрѣчаемой въ очень за-

мѣчательномъ и, въ сожалѣнію, тоже неконченномъ разсказѣ: «Романъ въ письмахъ». Тамъ она служитъ послѣдней крупной и опредѣляющей чертой для фізіономіи главнаго дѣйствующаго лица повѣсти, нѣкоего Владимира Z. Это лицо, даже и въ те-перешнемъ своемъ видѣ, представляетъ замѣчательно-полный типъ аристократическаго славянофила времени Александра I. Нигдѣ еще Пушкинъ не рисовалъ такъ ярко собственнаго своего образа, состоянія собственной своей мысли и вадушевныхъ убѣжденій своихъ, какъ въ этомъ вымышленномъ лицѣ, сохраняя ему всѣ живыя краски и особенности самостоятельнаго и оригинальнаго характера. Приводимый отрывокъ находился въ одномъ изъ писемъ романа (письмо VIII), слѣдовалъ за восклицаніемъ Владимира Z., по поводу матеріальнаго настроенія нашего общества («Къ чему вѣдетъ такой матеріализмъ?—не знаю»), и начинался еще по французски:

«Но пора положить этому преграды. *Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme.* Говоря въ пользу аристократіи, я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я его не стыжусь, не даетъ на то никакого права, но я, безъ прискорбіи, никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожить, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежать. И какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникѣ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарскій? Что такое гражданинъ Мининъ? Былъ у насъ овольничій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и былъ Козьма Миничъ Сухорукій, выборный земли русской. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!

«Образованный французъ или англичанинъ дорожить строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, павшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины, но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожить звѣздой двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіею своего дома, т.-е. исторіею отечества. И это вы ставите ему въ достоинство. *Конечно, есть достоинства выше знатности—именно, достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя.* Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться

сими именами. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ».

И, наконецъ, въ безпрестанныхъ пробахъ передать свое созерцаніе въ такой формѣ, которая покорила бы вниманіе публики — Пушкинъ дошелъ до самаго блестящаго выраженія его въ великолѣпной поэмѣ: «Мѣдный Всадникъ» (1833 г.), хотя тоже, за смертью поэта, не получившей окончательной отдѣлки. Обезумѣвшій отъ горя, ничтожный потомокъ знатнаго боярскаго рода — и современный коломенскій чиновникъ — осмѣливается укорять великаго императора во всѣхъ своихъ несчастіяхъ и даже посягаетъ на угрозу передъ бронзовымъ ликомъ его, въ которомъ онъ внезапно отгрызаетъ того человѣка, который лишилъ его фамилію гражданскаго значенія, низвелъ его самого въ ряды бездольнаго служаки и косвенно настигъ, даже послѣ своей смерти, въ послѣднемъ его убѣжищѣ — сердечномъ счастіи, унесенномъ наводненіемъ въ основанномъ имъ Петербургѣ. Пушкинъ называетъ этого потомка знатнаго боярскаго рода только по имени:

Прозванья намъ его не нужно—
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,
Дичится знатныхъ, и не тужить
Ни о покойницѣ-роднѣ,
Ни о забытой старинѣ...

Нельзя не остановиться на бессмысленной, съ перваго вида, угрозы, слетѣвшей съ устъ этого несчастнаго, подъ конецъ его рѣчи: «Уждь тебя...» — восклицаетъ онъ! Невольно думается, что въ этомъ нелѣпомъ: «уждь тебя» — безумецъ выразилъ промелькнувшую въ его головѣ мысль о возможности еще найти судъ въ потомствѣ и передѣлать приговоръ, давшій такую славу и значеніе имени грознаго реформатора. Мѣдный-Всадникъ, погнавшійся за нимъ, словно угадалъ его тайную мысль...

Всѣ эти идеи Пушкина теперь, по прошествіи почти 50 лѣтъ со дня его смерти, не покажутся никому ни очень новыми, ни очень вѣрными: онѣ получили такое обобщеніе въ послѣднее время, будучи подняты снова борьбой и преніями по поводу

нашего земскаго самоуправленія, и притомъ подвергнулись такому критическому обсужденію, что ни для кого не могутъ уже болѣе служить соблазномъ. Притомъ же, одна часть этого воззрѣнія, затрогивающая важность и достоинство историческихъ традицій, обработана была впослѣдствіи съ силой эрудиціи и діалектики, конечно превышающими все, что говорилъ поэтъ, и даже все, что онъ могъ сказать по этому поводу въ свое время. Но за Пушкинымъ и за Александровской эпохой, его воспитавшей, остается честь перваго поднятія многихъ подобныхъ же вопросовъ русской культуры и общественнаго быта.

Рано или поздно эти вопросы должны были снова явиться на свѣтъ и сдѣлаться уже предметами серьезнаго разбора, ученой и многосторонней полемики, какъ и случилось. Разногласіе по ихъ поводу еще не кончилось, и оградить нѣкоторыя стороны Пушкинскаго ученія отъ превратнаго толкованія представляется еще и теперь необходимою. Несомнѣнно, что ученіе поэта можетъ дать поводъ къ важнымъ недоразумѣніямъ, если переставить исходный пунктъ, отъ котораго отправлялся авторъ, на другую почву. Теорія, довольно похожая на ту, которую проповѣдывалъ поэтъ, но въдобавокъ требовавшая, чтобы всѣ заботы государства обращены были на интересы одного избраннаго сословія исключительно передъ другими, не разъ уже являлась въ средѣ нашего общества съ претензіями на высокую политическую мудрость. Какую бы строгую оцѣнку и критику ни заслуживали взгляды Пушкина,—но достовѣрно, что ничего общаго съ вышеупомянутой теоріей они не имѣютъ. Мы видѣли, что конечная цѣль всѣхъ его разсужденій была все-таки забота о народѣ и о доставленіи ему той доли защиты и свободы въ трудѣ, какихъ онъ самъ, по стеченію обстоятельствъ и при извѣстной тогдашней обстановкѣ своей, добыть не могъ. Направленіе Пушкина выходило не изъ кровной привязанности къ боярскимъ привилегіямъ, какъ таковымъ, а изъ сожалѣнія о потерѣ передовымъ сословіемъ тѣхъ орудій, которыя могли бы дать ему средства сослужить великую службу отечеству. Чувствуешь, что не въ видѣ лицемѣрной оговорки, а изъ глубины души воскликнулъ онъ: «Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ всѣ наши старинныя родословныя». И могъ ли сдѣлать своимъ политическимъ знаменемъ одну теорію о наслѣдственномъ правѣ на почетъ, безъ разбора нравственныхъ качествъ лица, тотъ человѣкъ, который въ самомъ разгарѣ аристократическаго одушевленія своего твердо поставилъ афоризмъ— «личныя достоинства выше знатности». Подъ теоріей Пушкина и многихъ его современниковъ тѣла невидимая, но хорошо чув-

ствуемая, горячая политическая струя, не позволявшая расти вокруг себя ничему похожему на корыстный расчетъ, родовую вичливость или узкій эгоизмъ, хотя сама теорія представляеть много спорныхъ сторонъ и является роднымъ дѣтищемъ своего времени, не знавшаго еще другихъ дорогъ къ устраненію злоупотребленій и къ обновленію себя, кромѣ тѣхъ, которыя она прокладывала въ своемъ воображеніи, въ области благородныхъ мечтаній и великодушныхъ химеръ.

II.

Какъ извѣстно, А. С. Пушкинъ тотчасъ послѣ свадьбы своей въ Москвѣ (18 февраля 1831 года) уѣхалъ въ Петербургъ. Спустя двѣ недѣли послѣ того, именно въ мартѣ мѣсяцѣ, онъ поселяется на дачѣ, въ Царскомъ-Селѣ, и безвыѣздно проводитъ семь мѣсяцевъ въ хорошо-знакомомъ ему городѣ. Эти семь мѣсяцевъ положили основаніе всей послѣдующей жизни Пушкина и должны считаться исходнымъ пунктомъ новой литературной его дѣятельности.

Дворцы, сады и парки царской резиденціи оживились къ лѣту 1831 года прибытіемъ двора. Въѣстѣ съ нимъ прибылъ, конечно, и главный наставникъ Государя Цесаревича, В. А. Жуковский. Давнія дружескія связи между нимъ и Пушкинымъ, затянулись еще въ болѣе крѣпкій узелъ, благодаря частымъ, ежедневнымъ ихъ свиданіямъ, а также и весьма серьезному настроенію, которое царствовало вокругъ нихъ. Политическій горизонтъ былъ мраченъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Друзья сходились для того, чтобы передавать другъ другу извѣстія о тяжеломъ положеніи государства, посѣщеннаго холерой, и мысли о неудачахъ, затрудненіяхъ и ошибкахъ нашей польской кампаніи.

Польское возстаніе находилось въ апогеѣ своего развитія и потребовало усилий и жертвъ для подавленія его, сначала и непредвидѣнныхъ. Втихомолку передавались печальныя новости съ театра войны: нерѣшительность дѣйствій русской арміи, возрастающія надежды инсurreкціи, сочувствіе къ ней со стороны народовъ Европы; за междоусобной войной проглядывала возможность большой европейской войны въ близкомъ будущемъ! Нравственная сторона польскаго вопроса особенно обращала вниманіе друзей въ Царскомъ-Селѣ, такъ какъ въ ней-то и заключалось все дѣло. Пока большинство русскаго общества не-

годовало просто на медленность вооруженной расправы съ неприятелемъ, обвиняя въ томъ людей, совѣтниковъ и прочихъ, Жуковский и Пушкинъ всего болѣе думали о принципѣ, который возстаніе положило въ свою основу и которымъ себя оправдывало.

И было о чемъ подумать. Подъ знаменемъ нарушеннаго принципа народной воли и національности, Франція, только-что провозгласившая этотъ принципъ у себя, стала почти цѣликомъ въ ряды самыхъ ожесточенныхъ враговъ Россіи. Начавшаяся борьба двухъ славянскихъ племенъ вызвала тамъ въ печати и на трибунѣ бурю ненависти, угрозъ и всевозможныхъ обвиненій противъ русскаго народа и правительства, — бурю, которая сообщалась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. По секрету передавались слухи объ опасномъ положеніи правительствъ, конституціонныхъ и абсолютныхъ, одинаково истощавшихся въ усиліяхъ сдерживать порывы своихъ народовъ, которые требовали почти въ одинъ голосъ передѣлки европейской исторіи и трактатовъ во всемъ, что они свазали въ пользу и въ интересъ Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ, не одинъ онъ думалъ, что какъ бы ни велики были успѣхи нашей секретной дипломатической борьбы съ направленіемъ, — одной этой борьбы еще не было достаточно, и слѣдовало бы вызвать на борьбу съ нимъ голосъ самого общества. Какъ ни совѣтовали еще послѣднему покрывать всѣ яростныя нападки его враговъ однимъ горделивымъ молчаніемъ, но многимъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, казалось, что вмѣшательство общества въ полемику было еще нужнѣе ему самому, для разрѣшенія болѣзненныхъ тревогъ его собственной совѣсти и сознанія, чѣмъ даже для отраженія несправедливыхъ обвиненій со стороны. Конечно, выразительныхъ словъ: «бунтъ», «мятежъ» — достаточно было для успокоенія чувства законности у большинства тогдашней русской публики, но вопросъ о нравственномъ правѣ употреблять силу оружія противъ идеи о политической самостоятельности у народа, котораго много лѣтъ приучали къ ней оффиціально, — этотъ вопросъ оставался и затѣмъ смутнымъ для значительной части русской интеллигенціи. На этотъ вопросъ именно Пушкинъ и рѣшилсѣ отвѣчать, противопоставляя польской идеѣ и заграничной ея пропагандѣ другую идею, обнаруживавшую, по его мнѣнію, настоящій историческій и нравственный смыслъ начавшейся борьбы двухъ родственныхъ племенъ. Идея эта имѣла еще и то качество, что способна была оправдать мѣры, принимаемыя для доставленія ей торжества. 5-го августа 1831 года, за три недѣли до паде-

нія Варшавы, Пушкинъ написалъ по адресу европейскихъ и польскихъ враговъ нашихъ пьесу «Клеветникамъ Россіи», которую можно назвать первой политической журнальной статьей, тогда написанной у насъ по польскому вопросу, — и это несмотря на ея лирическую форму. Политическая мысль укрылась здѣсь подъ крыло Державинской оды и сложила тутъ свои зародыши, за неимѣніемъ никакого пріёмника. Замѣчательно, что ей всѣ обрадовались и, можетъ быть, всего сильнѣе тѣ, которые не считали возможнымъ и нужнымъ призывать на помощь своему дѣлу независимый голосъ публицистики. Всѣмъ она даровала ключъ къ благопріятному толкованію смутнаго и щекотливаго вопроса, но главная привлекательная ея сторона заключалась въ томъ, что она какъ-бы возлагала великую народную миссію на непосредственныхъ, активныхъ дѣятелей войны. Такимъ образомъ, настоятельная потребность минуты была удовлетворена, хотя, безъ сомнѣнія, и въ духѣ того времени. Много разъ потомъ ссылались на мысль Пушкина, что польскій вопросъ представляетъ, по преимуществу, домашнее дѣло славянскаго міра, отъ поворота котораго въ ту или другую сторону зависитъ направленіе и будущность славянства вообще; много разъ также и разрабатывали эту мысль въ различныхъ смыслахъ. За Пушкинымъ остается, въ концѣ-концовъ, непререкаемая честь первой попытки подложить нравственную и теоретическую основу подъ голый фактъ ненавистнаго столкновенія двухъ родственныхъ племенъ.

27-го августа, совершилось столь долго и нетерпѣливо ожидаемое паденіе Варшавы, далеко не прекратившее, впрочемъ, какъ извѣстно, развитіе племенной борьбы. Пушкинъ привѣтствовалъ событіе стихотвореніемъ «Бородинская годовщина», которое, вмѣстѣ съ пьесой «Клеветникамъ Россіи» и стихотвореніемъ Жуковскаго по тому же случаю, напечатано въ одной брошюрѣ: «На взятіе Варшавы, 1831 г.». Также точно напечатали они въ одной и той же брошюрѣ четыре народныя сказки, сочиненныя ими въ Царскомъ-Селѣ, по уговору между собою. Въ это время они все дѣлали сообща.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, поэтому, что и появленію той знаменитой пьесы предшествовалъ долгій обмѣнъ мыслей въ дружескомъ кругу, который образовался около Пушкина въ Царскомъ-Селѣ, и который состоялъ почти весь изъ лицъ, приближенныхъ болѣе или менѣе къ императорскому двору, а потому и знавшихъ многія подробности и секреты политики, скрытыя еще отъ глазъ толпы. Въ кругу этомъ, между прочимъ, особенное покровительство и поощреніе встрѣтила мысль Пуш-

вина основать печатный органъ для отраженія наговоровъ европейской прессы. Сохранился отрывокъ изъ пробы Пушкина составить формальное прошеніе въ этомъ смыслѣ.

«У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыя въ Россіи и не существуютъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальныи журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, общее мнѣніе имѣеть нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветой. Конституціонныи правительства хотять мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыи журналами, требуютъ войны... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныи и невѣжественныи нападенія иностранныхъ газетъ».

Не дожидаясь однако же этого дозволенія и не испросивъ, такъ-сказать, благословенія на подвигъ, Пушкинъ возвысилъ голосъ—и успѣхъ, какъ упомянуто, оказался громадный.

Проектъ изданія политическаго журнала не былъ вовсе покинута и послѣ появленія знаменитаго стихотворенія, — только, благодаря толкамъ и совѣтамъ дружескаго круга, въ проектъ замѣшались теперь еще другіе и гораздо болѣе обширные планы, вмѣстѣ съ соображеніями объ окончательномъ устройствѣ общественнаго положенія Пушкина. Дѣйствительно, надо было, думали тогда, опредѣлить мѣсто, которое слѣдуетъ занять поэту въ свѣтѣ, послѣ того какъ онъ сдѣлался семьяниномъ, какъ миновала эра молодыхъ увлеченій и фрондѣрства, построенныхъ на самомъ снисхожденіи тѣхъ, кого они затрогивали. Дворъ смотрѣлъ на Пушкина съ участіемъ, и при всякомъ важномъ случаѣ его жизни доказывалъ это участіе несомнѣннымъ образомъ, какъ-бы приглашая поэта отыскать сферу публичной дѣятельности, которая позволила бы ему разсчитывать на признательность, во имя общественныхъ заслугъ и достоинства своихъ трудовъ. По мысли дружескаго круга, слѣдовало выбрать еще занятіе, рядомъ съ обычными занятіями поэзіей, которыя въ рѣдкихъ только случаяхъ давали тогда устроенное гражданское положеніе. Дѣло было нелегкое. Пушкинъ не хотѣлъ и слышать ни о какого рода занятіяхъ, которыя ограничивали бы его независимость, изуродовали бы его талантъ, или потребовали бы сдѣлать съ совѣстью; онъ предпочиталъ лучше оставаться по прежнему «заподозрѣннымъ» человѣкомъ, чѣмъ сдѣлаться «выбор-

нымъ» на подобныхъ условіяхъ. Друзья Пушкина раздѣляли его сомнѣнія, но въ поискахъ за лучшими поприщами для будущей его дѣятельности и общественной роли они пришли къ заключенію, что въ русскомъ мірѣ существуютъ два вакантныхъ мѣста, отвѣчающія всѣмъ наиболѣе взыскательнымъ требованіямъ совѣсливаго труженика. Первое изъ этихъ мѣстъ могло составить удѣлъ истиннаго журналиста, политическаго писателя, «уполномоченнаго» разяснять публикѣ духъ, намѣренія и цѣли правительства и отклонять отъ него безумные толки, легкомысленную или превратную оцѣнку его постановленій, обнаруживая ихъ сущность и присуція имъ идеи. Второе мѣсто было еще обольстительнѣе: оно возводило Пушкина въ должность официального историка Петровской эпохи и открывало путь къ занятію государственнаго поста исторіографа, не имѣвшаго еще своего представителя съ самой смерти послѣдняго его обладателя — Н. М. Карамзина. Какъ ни сильно отзывались еще эти предположенія романическимъ и утопическимъ характеромъ, но Пушкинъ съ жаромъ ухватился за нихъ: они отвѣчали тайнымъ пожеланіямъ его собственной мысли. Онъ тотчасъ же и принялся за положеніе основъ къ ихъ осуществленію, и не далѣе какъ въ іюнѣ 1831 года подалъ уже просьбу генералу Бенкендорфу, въ которой заявлялъ свое желаніе служить посредникомъ между правительствомъ и публикой, если оно того пожелаетъ, и прежде всего заняться исторіей Петра I, съ правомъ входа въ государственные архивы.

Мы можемъ привести только черновой набросокъ этой просьбы. Не имѣя подлинника и не зная, увидитъ ли онъ когда-нибудь свѣтъ, полагаемъ, что и первоначальный, блѣдный абрисъ просьбы Пушкина будетъ все-таки любопытенъ для читателя. Тѣ достоверно — что при окончательной редакціи авторъ документа сохранилъ большую часть его содержанія. Это доказывается ссылкой на письмо въ статьѣ, принадлежащей перу высшаго чиновника Третьяго Отдѣленія, М. М. Попову, который видѣлъ и самый документъ (см. статью: «Алек. Серг. Пушкинъ» въ «Русской Старинѣ», 1874, т. X, августъ). Авторъ этой статьи цитируетъ изъ просьбы поэта, совершенно сходно съ черновой ея подготовкой, только первое положеніе ея, гдѣ Пушкинъ жалуется на неполученіе своевременно двухъ слѣдовавшихъ ему чиновъ и сопровождаетъ цитату укоризненнымъ замѣчаніемъ отъ себя: «Знаменитый, уважаемый всю Русью, поэтъ печалился, что онъ въ служебной іерархіи не болѣе, какъ коллежскій секретарь». Тутъ есть, можетъ быть, и невольное недоразумѣніе. Пушкинъ, добываясь права на

посѣщеніе государственныхъ архивовъ, не могъ забыть, что оно, во-первыхъ, обуславливалось тогда состояніемъ лица на службѣ по какому-либо вѣдомству, и часто находилось, по понятіямъ того времени, въ тѣсной зависимости отъ чина, имъ носимаго. Вотъ какія побужденія управляли имъ, когда онъ напоминалъ о служебной несправедливости, ему оказанной, а совсѣмъ не мелкое тщеславіе, какъ говорили еще при жизни поэта многочисленные его враги изъ Булгаринскаго лагеря, которые радовались всякому случаю навязать комическую погрешку на простую и очень мало-честолюбивую фигуру поэта. Но вотъ и самый документъ:

«Заботливость истинно отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодаріями Его В—ва, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему, по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ былъ изъ лица), въ несчастію, *будетъ мнѣ препятствіемъ* на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т.-е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я *имъ о томъ не припоминалъ*. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало.

«Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостію взялся бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», то-есть такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа, послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу со временемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III».

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать и превзошелъ ожиданія Пушкина. 31 іюля 1831 г., ему обѣщано было разрѣшеніе на изданіе газеты, и тогда же—съ явной охотой и благорасположе-

ніемъ — дано право на посѣщеніе и изученіе государственныхъ архивовъ и библиотекъ, подъ руководствомъ статсъ-секретаря Д. Н. Блудова. Нѣсколько позднѣе и уже послѣ того, какъ были написаны обѣ патриотическія пьесы (Клеветникамъ Россіи и Бородинская годовщина), т.-е. въ ноябрѣ мѣсяцѣ, самымъ неожиданнымъ образомъ устроилось и оффиціальное, служебное положеніе Пушкина. Его причислили къ министерству иностранныхъ дѣлъ *сверхъ штата*, согласно съ отзывомъ начальниковъ вѣдомства, заявившихъ о неимѣніи вакантныхъ мѣстъ въ своемъ распоряженіи; но при этомъ Пушкину положено было весьма значительное, по времени, содержаніе, по 5000 р. ас. въ годъ, чтó отчасти сравнивало его со сверстниками, успѣвшими обогнать поэта на іерархическомъ поприщѣ. Казалось, всѣ спѣшили на встрѣчу желаніямъ и помысламъ Пушкина въ Царскомъ-Селѣ, и самыя распоряженія, которыхъ онъ былъ предметомъ, носили еще явную печать сочувствія къ намѣренію поэта связать новый, семейный періодъ своей жизни съ дѣльнымъ, обширнымъ патриотическимъ трудомъ. Оставалось пользоваться предоставленными ему выгодами и свободой — и довести постепенно оба предпріятія, взятая имъ на себя, до блестящихъ результатовъ, какіе они обѣщали и какихъ онъ былъ въ правѣ ожидать отъ своего труда. Извѣстно однакоже, что оба предпріятія, на пути своего развитія, встрѣтили неожиданныя помѣхи, преимущественно въ нравственномъ, душевномъ, субъективномъ настроеніи ихъ автора, — помѣхи эти въ короткое сравнительное время успѣли остановить ростъ Пушкинскихъ проектовъ, а, наконецъ, и вовсе упразднить ихъ.

Главной силой, разрушившей планы Пушкина, были именно политическіе и общественные идеалы его, которые не умѣстились въ рамкахъ, оффиціально заготовленныхъ для нихъ.

Исторію паденія замысловъ Пушкина начинаемъ съ проекта газеты. Не подлежитъ сомнѣнію, что новый политическій органъ, задуманный поэтомъ, связывался у него съ воспоминаніями о «Литературной Газетѣ» барона Дельвига. Еще въ предъидущемъ 1830 г. Пушкинъ мечталъ о превращеніи изданія друга въ газету политическую и заготовилъ даже формальную просьбу въ этомъ смыслѣ, часть которой уже извѣстна публикѣ, по выдержкамъ изъ нея, напечатаннымъ прежде, въ нашихъ матеріалахъ для біографіи Пушкина, 1855 года. Побужденія, которыя онъ тогда выставлялъ на видъ, требуя дополненія «Литературной Газеты» политическимъ отдѣломъ, значительно разнились съ тѣми, которыя теперь легли въ основу его новаго прошенія. Тогда онъ говорилъ о матеріальномъ

и нравственномъ ущербѣ, какой терпятъ русскіе писатели отъ монополіи «Сѣверной Пчелы», захватившей иностранныя извѣстія и пользующейся этой даровой силой для привлеченія, такъ сказать, *невольныхъ* подписчиковъ и читателей и для распространенія между ними своихъ корыстныхъ, часто клеветническихъ нападокъ на враговъ. На матеріальный ущербъ, наносимый дѣлому и наиболѣе достойному классу русскихъ писателей, Пушкинъ всего болѣе и налегалъ, предполагая, что администрація будетъ особенно чувствительна къ охраненію интересовъ законнаго труда, честнаго добыванія людьми насущныхъ средствъ къ жизни. Онъ ходатайствовалъ о добавленіи газеты своего друга подцензурнымъ политическимъ отдѣломъ единственно во имя справедливости, возстановленія нарушенныхъ правъ писателей и доставленія имъ возможности бороться равнымъ оружіемъ съ соперниками, которые теперь занимаютъ привилегированное положеніе въ обществѣ. Внезапное исчезновеніе «Литературной Газеты» со сцены журнальнаго міра сдѣлало ненужнымъ дальнѣйшее ходатайство о расширеніи ея программы.

Совсѣмъ другія требованія заявлялись теперь Пушкинымъ, и дѣйствительно, теперь у него не то стояло на первомъ планѣ. Онъ собирался привлечь лучшія, надежнѣйшія силы нашего литературнаго міра къ общей работѣ по выясненію существующихъ порядковъ русской жизни, по толкованію смысла правительственныхъ мѣръ и распоряженій, по развитію въ обществѣ твердыхъ политическихъ идей—и особенно понятій о своемъ достоинствѣ, обязанностяхъ и роли въ государствѣ.

Въ разныя эпохи нашей жизни и многими даровитыми нашими людьми давно уже сознавалась необходимость выдти изъ тяжелаго положенія, какое всегда выпадаетъ на долю общества и частныхъ лицъ, которымъ приходится стыдиться тѣхъ самыхъ основъ существованія, которымъ они покоряются. Весьма честные и благородные умы, съ самаго начала столѣтія, заняты были у насъ постоянно отысканіемъ нравственнаго смысла въ коренныхъ учрежденіяхъ государства—думали о реформѣ, преобразованіи тѣхъ изъ нихъ, которыя почему-либо утерали прежній смыслъ. Либеральный консерватизмъ не былъ новостію на Руси—и причина понятна: съ осмысленнымъ и поясненнымъ фактомъ современнаго политическаго быта Россіи какъ будто становилось легче для совѣсти подчиняться всѣмъ его требованіямъ и естественнымъ послѣдствіямъ. Той же работѣ разъясненія, оправданія историческаго положенія государства и дополненія его, по возможности, новыми элементами нравственнаго содержанія, Пушкинъ намѣ-

ревался посвятить, вслѣдъ за нѣкоторыми своими предшественниками, и новую политическую газету. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что мысли, которыя онъ собирался проводить въ ней, были ему самому нужны, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ его будущимъ слушателямъ и читателямъ: онѣ, эти мысли, восстанавливали его морально въ собственныхъ его глазахъ, разрѣшали тѣ *болѣзни совѣсти*, которыя сопровождаютъ обыкновенно всякія перемѣны направлений и убѣждений. Мало того — онъ питалъ еще и надежду, что идеальнымъ представленіемъ обязанностей, лежащихъ на тѣхъ, которые занимаютъ важнѣйшія функціи въ государствѣ, онъ привлечетъ ихъ къ высшему пониманію своего призванія и долга, чѣмъ и окажетъ немаловажную услугу современникамъ. Желая испробовать почву, на которой ему придется дѣйствовать, Пушкинъ представилъ даже разсмотрѣнію ген. Бенкендорфа и образчики тона и пріемовъ, въ какихъ онъ намѣренъ излагать выдающіяся событія внутри имперіи, выбравъ для этого нѣсколько фактовъ изъ ближайшей современной исторіи ¹⁾. Образчики эти, отчасти взятые имъ прямо изъ записной своей книжки, не имѣютъ ничего общаго ни по языку, ни по намѣренію, съ рутиннымъ, приниженнымъ и подобострастнымъ способомъ сообщать полуоффиціальныя извѣстія, какой тогда господствовалъ въ нашей журналистикѣ. Пушкинъ или даетъ картинный рассказъ происшествія и оставляетъ его говорить такимъ образомъ самого за себя, или разъясняетъ его смѣлымъ словомъ убѣжденного чело-вѣка. Онъ собирался стать русскимъ консервативнымъ публицистомъ на *своей* образецъ, и его надобно было еще умѣть понимать, прежде чѣмъ разлагать и цѣнить сущность его мнѣній.

Мысль — доставить русской формѣ политическаго быта такое же почетное мѣсто въ области теорій государственнаго права и политическихъ наукъ вообще, какое въ нихъ занимаютъ наиболѣе уважаемыя и цѣнимыя формы правленій, пришла Пушкину опять какъ отвѣтъ на позорящія обвиненія заграничной интеллигенціи. Онъ сдѣлался очень чувствителенъ къ выходкамъ и диффамациямъ западнаго либерализма, направленнымъ на *всю* исторію Россіи и на общество. Ему казалось, что отыскать нравственныя начала, на которыхъ зиждется наше государство, значитъ — оградить честь русскаго ума и народнаго характера, участвовавшихъ въ его образованіи. И нѣтъ сомнѣнія,

¹⁾ Два-три такихъ образчика, отдѣленные отъ матеріаловъ и документовъ, которыми мы пользовались въ прежнихъ біографическихъ опытахъ о Пушкинѣ, напечатаны были въ „Библиографическихъ Запискахъ“, 1859, № 5, стр. 134, 135 и слѣд.

что большинство тогдашнихъ писателей, на содѣйствіе которыхъ Пушкинъ и рассчитывалъ, пошли бы охотно за нимъ. Кому же не было бы дорого обрѣсть идею и моральную основу въ томъ порядкѣ дѣлъ, въ томъ родѣ жизни, съ которыми связано безповоротно все существованіе каждаго изъ нихъ; кому не была дорога возможность хотя бы діалектически развить и публично высказать затаенныя вѣрованія и надежды своей души? Да и вромѣ того, многіе распознавали въ намѣреніяхъ Пушкина еще болѣе возвышенную цѣль, — именно, цѣль создать черезъ посредство своего органа и для обращенія въ публикѣ популярное ученіе, содержащее философски высокое пониманіе и опредѣленіе вообще государственной власти, — они и не ошибались въ этомъ.

Подъ программой журнала, дѣйствительно таилась у Пушкина общественная теорія, имѣвшая въ виду доставить государственной власти санкцію мысли и свободнаго анализа, на-равнѣ со всѣми другими санкціями, ею прежде полученными со стороны церкви, права и народныхъ убѣжденій. Не трудно намѣтить основныя черты самой теоріи, какъ онѣ сказываются въ статьѣ Пушкина о Радищевѣ, въ разборѣ книги послѣдняго, озаглавленной: «Мысли на дорогѣ», и какъ онѣ отложились во множествѣ отрывковъ, оставшихся послѣ поэта въ бумагахъ его, какъ просвѣчивали въ устныхъ его заявленіяхъ, долго сохранявшихся его семействомъ и друзьями.

Теорія Пушкина была опять, въ сущности, не что иное, какъ отраженіе патриотическихъ возрѣвій В. А. Жуковскаго, который подчинилъ имъ своего друга тѣмъ легче, что послѣдній носилъ въ себѣ зародышъ такого направленія уже издавна, по свидѣтельству ближайшихъ его друзей, какъ, напр., кн. П. А. Вяземскаго. Вѣроятно, въ Царскомъ-Селѣ оба поэта сошлись ближе въ пониманіи сущности доктрины, которую одинъ изъ нихъ уже и прежде намѣтилъ въ безсмертныхъ словахъ, сказанныхъ имъ въ своей запискѣ: «*Подробный планъ ученія В. К. Насльдника*», недавно опубликованной («Русск. Старина», 1880, февраль): «Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его... общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго государя. Люби свободу, то-есть правосудіе... свобода и порядокъ одно и то же: любовь царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ» и проч.

Консерватизмъ Пушкина совершенно совпадалъ съ такою исходной точкой политическихъ убѣжденій Жуковскаго, и оба они думали совершенно одинаково о важнѣйшихъ явленіяхъ русской

жизни. Всѣ духовныя стремленія общества, думалъ Пушкинъ, — всѣ его надежды и чаянія, равно какъ и требованія матеріальнаго свойства, собираются въ правительствѣ, какъ въ естественномъ своемъ хранилищѣ, данномъ исторіей. Они тщательно берегутся тамъ до тѣхъ поръ, пока съ наступленіемъ срока, переработанныя долгой мыслью и въ совѣтѣ съ лучшими умами страны, выходятъ опять на свѣтъ въ образѣ учреждений, въ формѣ созданія новыхъ и восстановления старыхъ правъ, — возвращаясь, такимъ образомъ, снова въ народъ, но уже становясь ступеню въ его прогрессивномъ развитіи. Нѣтъ ни стыда, ни униженія безпрекословно подчиняться такой чуткой власти, какъ бы, впрочемъ, она ни называлась: абсолютной, патріархальной, деспотической и т. д. Вотъ въ краткихъ словахъ сущность консервативной черты Пушкина, которая порождала извѣстныя его заявленія въ томъ же духѣ, часто останавливавшія на себѣ вниманіе его современниковъ и послѣдующихъ его цѣнителей, и которую онъ собирался развивать въ новомъ своемъ органѣ.

Здѣсь необходимо сказать, что примѣры иногда весьма оживленной критики заведенныхъ порядковъ и оффиціальныхъ мѣропріятій, которая по-часту встрѣчается въ запискахъ и въ корреспонденціи Пушкина отъ этого же времени, нисколько не свидѣтельствуютъ объ его измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ. Напротивъ, онъ чрезвычайно дорожилъ новыми нажитыми убѣжденіями даже и послѣ того, какъ принужденъ былъ отказаться отъ публичной ихъ защиты. Можно доказать фактами, что всякій разъ, какъ грубые толчки и удары со стороны реального міра нарушали стройность его консервативной теоріи, колебали ея основанія и грозили потрясти вѣру въ ея положенія, онъ глубоко возмущался и спѣшилъ съ горячимъ обличеніемъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣломъ и примѣромъ своимъ поднимали на нее руку. Онъ становился въ это время не только раздражителемъ и дерзковъ, но и глубоко несчастливъ, — словно цѣлость и неприкосновенность теоріи была ему необходима для возможности собственнаго существованія, спасала его самого отъ большой умственной и нравственной бѣды.

Сложнѣе представляется на видъ, съ перваго раза, другой вопросъ, неизбежно идущій вслѣдъ за первымъ. Чтѣ же сдѣлалось теперь у Пушкина съ его тѣмами о важности передового сословія въ государствѣ, о призваніи аристократіи служить надежнымъ посредникомъ между народомъ и правительствомъ, и съ другими тѣмами подобнаго рода? Какъ помирилъ онъ новую свою консервативную теорію съ прежней, которую никогда не

покидалъ совѣмъ, и которой придерживался, какъ извѣстно, еще въ 1835 году, то-есть почти наканунѣ смерти? Отвѣтъ на вопросъ не такъ затруднителенъ, какъ онъ сначала кажется. Противорѣчіе между двумя ученіями при ближайшемъ разсмотрѣніи сводится на простое недоразумѣніе между двумя однородными силами, которыя всегда склонны къ компромиссу и примиренію. На *теоретической* почвѣ особенно противорѣчіе легко сглаживается. Не трудно было возвести, напримѣръ, Пушкину, хотя онъ никогда не занимался философскими выкладками, оба принципа къ высшему единству, и съ помощью разныхъ аналогій и діалектики самымъ естественнымъ образомъ представить противоположныя свои начала составными частями одного и того же цѣлаго, одного и того же общественнаго идеала, весьма способными къ совмѣстной жизни. Такъ именно и случилось съ Пушкинымъ. Враждебные по натурѣ элементы свободно пріютились въ его мысли и мирно процвѣтали въ ней рядомъ другъ съ другомъ, взаимно ограничивая и умѣряя себя и представляя зрѣлище теоретической гармоніи, какое рѣдко даютъ тѣ же элементы, когда они произрастаютъ на реальной, исторической почвѣ.

Но каковы бы ни были отношенія Пушкина къ обоимъ своимъ ученіямъ,—несомнѣнно, что для публичной ихъ защиты въ журналѣ требовался нѣкоторый просторъ мысли, нѣкоторая свобода въ оцѣнѣ явленій и право свободнаго критическаго разбора тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ затемнять свѣтлый ликъ поставляемаго на видъ идеала. Это было, можетъ статья, еще необходимѣе для позднѣйшей консервативной теоріи, чѣмъ для первой, либерально-олигархической, которая, нося на себѣ слишкомъ явно фантастическій характеръ, ни въ какихъ особенныхъ заботахъ и предосторожностяхъ не нуждалась. Другое дѣло — ученіе о государственной власти. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, призывать публику къ лучшему пониманію своего быта, хлопотать о поднятіи уровня политическихъ идей въ обществѣ, проповѣдывать спасительныя, ободряющія и укрѣпляющія истины, употребляя то же самое, полу-внятное, пошлое бормотанье, которое служило тогдашней печати при передачѣ ея внутреннихъ и вѣшнихъ событій. Для успѣха распространенія новыхъ философско-политическихъ началъ между образованными людьми эпохи все-таки требовалось хотя бы подобіе мужественной рѣчи, нѣчто похожее на одушевленіе челоуѣка, пронизутаго своимъ предметомъ, и желательное было дѣйствіе бодрого слова, сбросившаго съ себя старую, обветшалую и изношенную оболочку. Но тутъ-то и встрѣтились затрудненія. Генералъ Бенкен-

дорфъ, завѣдывавшій ходомъ и направлениемъ общественной мысли и никогда особенно не довѣрявшій благонадежности писателей и журналистовъ, не нашелъ и теперь достаточныхъ причинъ для какого-либо измѣненія цензурныхъ обычаевъ времени въ пользу новаго изданія. Онъ думалъ, что, испробованный и освященный употреблениемъ, способъ понимать и излагать предметы политическаго характера—совершенно достаточенъ для русскаго общества и отвѣчаетъ вполне всѣмъ умственнымъ его запросамъ. Къ этому присоединилось у него закоренѣлое убѣжденіе, что всѣ, слишкомъ возвышенныя цѣли, поставляемыя себѣ русскими людьми и всѣ крупныя ихъ замыслы, выходящія за черту общаго уровня дѣлъ и понятій, служатъ имъ только удобнымъ способомъ скрывать тенденціозныя намѣренія весьма сомнительнаго свойства. Онъ и не замедлилъ обнаружить вскорѣ эту часть своихъ убѣжденій самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Въ 1832 г., явился альманахъ «Сѣверные Цвѣты», изданный Пушкинымъ и его друзьями въ пользу семейства покойнаго барона Дельвига. Въ этомъ сборникѣ статей, Пушкинъ помѣстилъ превосходное свое стихотвореніе: «Анчаръ — древо яда», которое и сдѣлалось поводомъ довольно непріятной для автора исторіи. Подъ предлогомъ, что пьеса его, безпрекословно дозволенная къ печати обыкновенной цензурой, не была предварительно послана на обсужденіе верховной цензуры, какъ требовалъ того порядокъ, генералъ Бенкендорфъ упрекалъ Пушкина въ измѣнѣ принятымъ на себя обязательствамъ, въ нарушеніи честнаго слова и въ обманѣ. Замѣчательно, что надзоръ, молчаливо терпѣвшій доселѣ подобныя же, довольно многочисленныя уклоненія Пушкина отъ правила—возсталъ теперь съ горячимъ обличеніемъ и притомъ въ такой формѣ, которая показалаcя слишкомъ рѣзкой Пушкину, такъ что онъ долго не могъ забыть ея и вспоминалъ еще о ней съ горечью, спустя четыре года, въ письмѣ къ женѣ изъ Москвы, въ 1836 г., когда состоялъ уже четыре мѣсяца редакторомъ журнала «Современникъ»: «Брюловъ сей часъ отъ меня ѣдетъ въ П.-Б., скрѣпя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а, между тѣмъ, у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. *Будучи еще порядочнымъ челоукомъ* ¹⁾, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: Vous avez trompé,

¹⁾ То-есть, еще не облеченный формально въ званіе издателя политической газеты, какъ предполагалось сдѣлать, въ 1832 г. послѣ опубликованія программы и условій подписки.

и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Оаддея Булгарина и Николая Полевова, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ! Весело—нечего сказать ¹⁾!»

Пушкинъ, разумѣется, принялся тогда отписываться, ссылаясь на прежніе примѣры и представляя новые доводы въ свое оправданіе. Онъ-моль не хотѣлъ мелкими произведеніями своей музы похищать время сильно занятыхъ государственныхъ людей, а всѣ крупныя произведенія свои неотложно представлялъ на ихъ разсмотрѣніе и обсужденіе и проч. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ очень хорошо понималъ, что сущность дѣла заключается совсѣмъ не въ нарушеніи установленныхъ правилъ относительно появленія въ свѣтъ его стихотвореній, а въ характерѣ и содержаніи самой пьесы. Сопоставленіе различной участи раба и князя, дѣйствующихъ каждый по законамъ своего положенія и призванія, показалось надзору отдаленнымъ политическимъ намекомъ. Единственное объясненіе несоразмѣрной съ проступкомъ живости и безцеремонности упрековъ приходилось искать въ досадѣ надзора на то, что подобные сомнительные и опасные мотивы поэзіи могутъ еще встрѣчаться подъ перомъ автора, послѣ всѣхъ благодарнѣйшій, на него излитыхъ. А, между тѣмъ, пьеса Пушкина не имѣла ничего преднамѣреннаго и цѣликомъ вылилась, безъ всякой примѣси, изъ одного его поэтическаго созерцанія людей и природы. Все это заставило крѣпко призадуматься Пушкина. Если по поводу небольшого стихотворенія, чуждаго всякихъ намековъ и постороннихъ цѣлей, могли отродиться такія вспышки гнѣва и негодованія, чего же можно было ожидать впредь для будущей газеты отъ подозрительности надзора? Бодрость Пушкина не устояла при мысли, что ему предстоитъ ежедневно садиться на скамью подсудимыхъ и разъяснять непонятны надзоромъ слова и фразы. Онъ упалъ духомъ. Когда московскіе его друзья, обрадованные извѣстіемъ о приобрѣтеніи имъ печатнаго органа въ свое распоряженіе, просили его о программѣ и выражали самыя сангвиническія надежды на успѣхъ журнала, Пушкинъ успѣшилъ охладить ихъ настроеніе. Насмѣшливо и съ досадою писалъ онъ имъ: «Какую программу хотите вы видѣть? часть политическая—*оффициально* ничтожная, часть литературная—*существенно* ничтожная: извѣстія о курсѣ, о приѣзжающихъ и отъѣзжающихъ—вотъ вамъ и вся программа... Я хотѣлъ уничтожить монополію и успѣхъ. Остальное мало меня интересуеть.

¹⁾ См. „Вѣстн. Европа“ 1878, мартъ, стр. 38.

Газета моя будетъ немного похуже «Съверной Пчелы». Угождать публикѣ я не намѣренъ, браниться съ журналами хорошо разъ въ пять лѣтъ, и то—Косичкину, а не мнѣ. Стихотвореній помѣщать не намѣренъ, ибо и Христосъ запретилъ метать бисеръ передъ публикой: на то проза-мякина»...

Черновой отрывокъ любопытнаго письма, здѣсь приведенный, показываетъ, что поэтъ не сразу отказался отъ намѣренія редактировать газету, хотя ясно прозрѣвалъ, какая будущность ей предстоитъ. Но прошло немного времени, и невозможность дать свое имя изданію, которое должно было оказаться, по условіямъ существованія, его ожидавшимъ, *немного похуже «Съверной Пчелы»*, какъ онъ выразился, уяснилась ему вполне. Когда пропали изъ вида высокія цѣли и намѣренія, лежавшія въ основаніи первоначальнаго проекта, какая была надобность еще цѣпляться за него и посвящать ему свой трудъ. Пушкинъ принялъ намѣреніе сдать обузу дальнѣйшаго веденія постылаго предпріятія первому человѣку, который согласился бы принять на себя роль подставнаго издателя. Онъ вскорѣ и нашелъ такого человѣка, да притомъ такъ обрадовался своей находкѣ, что порядочно не разузналъ и фамиліи замѣстителя. Въ перепискѣ съ женой онъ постоянно называлъ его «Отрыжковымъ», а, между тѣмъ, это было довольно извѣстное и типическое лицо петербургскаго міра: статскій совѣтникъ, Нарквизъ Ивановичъ *Тарасенко-Отрыжковъ*.

Н. И. Отрѣшковъ успѣлъ составить себѣ репутацию серьезнаго ученаго и литератора по салонамъ, гостиннымъ и кабинетамъ вліятельныхъ лицъ, не имѣя никакого имени и авторитета ни въ ученостъ, ни въ литературномъ мірѣ. Онъ прослылъ агрономомъ, политико-экономомъ, финансовой способностью, не сопріясааясь съ людьми науки и не выходя на арену публичности. Вѣроятно, въ одномъ изъ петербургскихъ салоновъ Пушкину и указали на Н. И. Отрѣшкова, какъ на образцоваго и дѣльнаго сотрудника по журналу. Отрѣшковъ не усумнился взять въ свои руки газету, сдѣлавшуюся предметомъ мукъ и отвращенія для ея основателя, и вести ее безъ признака редакторской способности, безъ литературныхъ связей въ обществѣ и безъ капитала, нужнаго, чтобы поставить на ноги сложное предпріятіе. Пушкинъ не хотѣлъ ни во что вмѣшиваться. Вышло то, что должно было вытти—переговоры длились и ничѣмъ не кончились. Когда позднѣе, и уже послѣ смерти Пушкина—одинъ изъ многочисленныхъ покровителей Отрѣшкова—графъ Г. Г. Строгоновъ, назначенный предсѣдателемъ въ опеку по дѣламъ Пушкинской фамиліи, ввелъ Отрѣшкова, вслѣдъ за собой, и въ

опекунскую комиссію, онъ игралъ въ ней весьма значительную роль. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Отрѣшкова печаталось посмертное изданіе «Сочиненій Пушкина», удивившее даже и тогдашнюю, не очень взыскательную публику, своей безпорядочностію, и онъ же предлагалъ, для устройства матеріальнаго положенія семьи Пушкина, мѣры, которыя, безъ щедротъ государя, выпавшихъ на ея долю, конечно, не обезпечили бы прочно ея будущности и существованія, какъ это случилось. По окончаніи ликвидациі долговъ и имущества умершаго поэта, Отрѣшковъ собралъ бумага, прошедшія черезъ его руки, въ теченіи довольно долгаго процесса этого разбирательства, и принесъ ихъ въ даръ императорской Публичной библіотекѣ. Тамъ, въ числѣ другихъ документовъ, можно видѣть и схематическое изображеніе наружнаго вида газеты, которую онъ брался издавать. Это—пустой листъ бумаги, расчерченный перомъ на нѣсколько отдѣловъ съ оглавленіями: — Внутреннія извѣстія, внѣшнія извѣстія и т. д. Вотъ все, что осталось на свѣтѣ отъ газеты и отъ политической идеи Пушкина.

Нѣсколько болѣе сохранилось документовъ и свидѣтельствъ отъ другого замысла Пушкина—написать исторію Петра I, который тоже не осуществился, какъ и первый, но съ тою разницей, что погасалъ уже медленно и постепенно, съ ходомъ самыхъ работъ историка.

Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся Пушкинъ, особенно лѣтомъ 1832 г., за разборъ и чтеніе документовъ, касающихся царствованія Петра I въ государственномъ архивѣ, являясь туда ежедневно пѣшкомъ съ Черной рѣчки, гдѣ жилъ. По первымъ же собраннымъ матеріаламъ, онъ приступилъ къ составленію текста, въ спокойному, стройному повѣствованію о жизни и эпохѣ государя, точно предварительная критическая разработка свидѣтельствъ была уже кончена авторомъ; за то, позабытая вначалѣ, она явилась послѣ въ серединѣ труда и разстроила его. Пушкинъ самъ почувствовалъ, что прямое изготовленіе историческаго текста послѣ бѣглаго взгляда, брошеннаго на данныя, изъ которыхъ трудъ долженъ выростать—есть дѣло весьма преждевременное. Почти на каждой строчкѣ своего повѣствованія, онъ встрѣчался съ сомнѣніемъ или относительно достовѣрности источника, откуда взять былъ описываемый фактъ, или относительно правильной постановки и освѣщенія его. Всѣ такія сомнѣнія онъ обозначалъ вопросительными знаками въ рукописи и—текстъ повѣствованія покрытъ такими знаками. Они указывали, гдѣ должна была произойти новая провѣрка данныхъ и новое изслѣдованіе

ихъ, въ дополненіе упущеній первоначальнаго поверхностнаго обзора. Нѣсколько примѣровъ Пушкинскаго историческаго разсказа, пересѣченнаго во всѣхъ направленіяхъ такими предостерегающими знаками, и нарушающими какъ теченіе его, такъ и вниманіе и довѣріе читателя — собраны были нами въ матеріалахъ для біографіи Пушкина въ 1856 г.

Историкъ однако-жъ продолжалъ упорствовать въ намѣреніи изготавить сперва текстъ сочиненія для того, чтобы въ послѣдствіи разрушить его критической провѣркой, и довелъ свою работу до 1689 года — провозглашенія Петра единодержавнымъ правителемъ государства. Тутъ онъ остановился, вѣроятно, потому, что дальше и нельзя было идти въ этомъ направленіи: масса преобразовательныхъ мѣръ монарха, требовавшая настоятельно классификаціи и тщательнаго разбора, загроможила дорогу. Пушкинъ перемѣнилъ манеру труда; онъ отказался отъ эпическаго разсказа и замѣнилъ его самымъ кропотливымъ подборомъ, въ хронологическомъ порядкѣ фактовъ и указовъ царствованія за каждый годъ, сопровождая выписки свои примѣчаніями для памяти, съ цѣлью, по всѣмъ вѣроятіямъ, воспользоваться тѣми и другими, когда достаточное количество собраннаго матеріала позволитъ приступить къ составленію уже настоящей исторіи.

Вотъ, эти именно примѣчанія Пушкина къ указамъ и событіямъ эпохи преобразователя — и тонъ, въ которомъ по-часту излагаются они, и составляютъ единственную существенную часть всего его труда. Въ нихъ обнаруживается тайная мысль историка, — та самая, которая неотступно преслѣдовала его и прежде, и которая теперь помѣшала ему довести до конца свое предпріятіе и написать задуманную книгу — несмотря на весь его талантъ и на все его трудолюбіе.

Чѣмъ яснѣе возставала передъ нимъ картина дѣятельности Петра, благодаря самому предпринятому сборнику, тѣмъ сильнѣе укрѣплялось у Пушкина старое представленіе о гениальномъ императорѣ, какъ объ олицетвореніи страшной бури, одинаково сметающей передъ собой, безъ выбора и сожалѣнія, все, что ей встрѣчается на пути до тѣхъ поръ, пока не истощится сама собой ея природная, феноменальная сила. Завязтому типу людей Александровской эпохи, какимъ былъ Пушкинъ, казалась тяжелою ношею даже и благодарность за великіе отечественные подвиги, если они совершены съ помощію крутыхъ и нравственно-оскорбительныхъ мѣръ. Еще менѣе расположенъ былъ Пушкинъ, по личному характеру своему, оправдывать реформы, которыя шли на-перекоръ нѣкоторымъ существеннымъ народнымъ

особенностямъ, и возмущался ими, когда они не оставляли въ покое частнаго, безвреднаго убѣжденія, или грубо затрогивали наивныя, простосердечныя вѣрованія. Большое разстройство въ сознаниіе Пушкина внесено было соображеніемъ, что *не вся правда цѣликомъ*, и при всякомъ случаѣ, стояла на сторонѣ грознаго реформатора, а между тѣмъ мѣры, какія онъ принималъ для доставленія торжества своимъ ошибкамъ и погрѣшностямъ, ничуть не уступали въ энергіи и безопасности мѣрамъ, съ помощью которыхъ онъ осуществлялъ и свои великія предначертанія: люди гибли, положенія уничтожались, общество колебалось уже въ пользу явной исторической невозможности, чему свидѣтельствомъ остался законъ о престолонаслѣдіи и друг. Сквозь призму своего установившагося воззрѣнія на Петра I, Пушкинъ видѣлъ или думалъ, что видитъ двойное лицо — геніальнаго создателя государства и старый восточный типъ «*бича божія*». Рука Пушкина дрогнула. Уже много накопилось матеріаловъ для исторіи въ его сборникѣ и ждало только обработки, а онъ все не приступалъ къ ней. Онъ искалъ способа изобразить лицъ великаго государя, согласно со своимъ собственнымъ пониманіемъ его, и не оскорбляя оффиціального міра, ожидавшаго безусловной апоеозы преобразователя, для чего собственно и были открыты ему государственные архивы. Пушкинъ такъ и умеръ, не отыскавъ способа примирить эти два совершенно противоположныя требованія, и все продолжалъ еще собирать матеріалы, какъ будто отъ количества ихъ ожидалъ совѣта, помощи и вдохновенія въ этомъ дѣлѣ.

Большая часть замѣтокъ и примѣчаній Пушкина, на которыхъ мы основываемъ выводы, здѣсь изложенные, отличаются чрезвычайно живымъ, критическимъ характеромъ. Извѣстно, что посмертное «Собраніе сочиненій Пушкина» издавалось, по волѣ государя, почти безъ участія цензуры; но, прилагая къ изданію свою обычную помѣтку о дозволеніи печатать (май и іюнь 1840 г.), цензура все-таки заявила мнѣніе о совершенной невозможности открыть право свободнаго обращенія въ публикѣ многимъ циническимъ приговорамъ и заключеніямъ автора. Мѣста эти и были выпущены по ея настоянію, лишивъ остальную часть труда почти всякаго интереса. Для оправданія цензуры того времени въ этомъ случаѣ достаточно сказать, что, по запальчивому тону и крайне рѣзкому выраженію мысли, замѣтки Пушкина и теперь, по прошествіи почти 50 лѣтъ со времени ихъ составленія, походятъ скорѣе на ожесточенныя тирады озлобленнаго человѣка, чѣмъ на вопросы и сомнѣнія ученаго. Выбираемъ изъ ряда

Пушкинских замѣтокъ наиболѣе удобныя для сообщенія публикѣ понятія объ ихъ общемъ характерѣ:

«1711—1714 г. У князя Меньшикова на фейерверкѣ нащитѣ надпись: *«Гдѣ же правда, тамъ и помощь божія»*; однако *Богъ помогъ не намъ*. Въ сіе же время изданъ тиранскій указъ о запрещеніи во всемъ государствѣ каменнаго строенія.—1715. Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ: онъ повелѣлъ готовить юфть по новымъ способамъ, по обыкновенію своему, угрожая за ослушаніе кнутомъ и каторгою.—1718. Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ, подъ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.—1721. Указъ о возвращеніи родителямъ деревень, принадлежащихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также и о платежѣ заимодавцамъ. NB. Сей законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ изъ коего онъ проистекаетъ — самъ по себѣ, несправедливость и жестокость. Отъ гнилаго ворня отпрыскъ живой.—1721. Сенатъ и синодъ подносятъ ему титулъ Отца отечества, Всероссийскаго императора и Петра Великаго. Петръ не долго церемонился и принялъ его. Сенатъ (т.-е., восемь стариковъ) провричали: *vivat!* Петръ отвѣчалъ рѣчью гораздо болѣе личной и разсудительной, чѣмъ это все торжество.—1722. Петръ былъ гнѣвненъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе.—1722. Манифестъ о правѣ наслѣдства, т.-е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наслѣдства, и отдалъ престолъ на произволеніе...»

И такъ далѣе. Наиболѣе рѣзкимъ словомъ отличаются замѣтки, касающіяся женитьбы Петра на Екатеринѣ магдебургской; процесса царевича Алексѣя, гдѣ встрѣчается такое утвержденіе: «Петръ хвастался своей жестокостію»; процесса несчастныхъ Монсовъ и обстановки, сопровождавшей смерть реформатора.

Значило-ли все это, что Пушкинъ не обладалъ надлежащимъ органомъ для пониманія великой государственной стороны въ дѣятельности Петра I, что онъ лишень былъ способности чутя и распознаванія великихъ идей, управляющихъ поступками гениальныхъ людей? Далеко отъ того! Пониманіе величія задачи, поставленной себѣ преобразователемъ, и благоговѣніе передъ силой и ясностію, съ которыми онъ проводилъ ее въ народъ, Пушкинъ обнаруживалъ не разъ въ теченіи своей поэтической дѣятельности. Онъ не выдержалъ только восторженнаго настроенія своихъ стихотвореній, посвященныхъ имени Петра, когда ближе подошелъ къ жизненнымъ подробностямъ его царствованія и услы-

шаль, такъ сказать, вопли жертвъ и шумъ разваливъ, падавшихъ подъ ударами преобразователя, расчищавшаго дорогу новому порядку дѣлъ и новымъ идеямъ. Художническая натура Пушкина мѣшала ему сдѣлаться трезвымъ историкомъ. Ему не доставало сухости воображенія, необходимой для того, чтобы хладнокровно взвѣшивать и опредѣлять дѣну роковыхъ событій, не чувствуя страшной, раздражающей драмы подъ ними, и не смущаясь ею, когда она выступаетъ наружу. Поэтическая способность переноситься всецѣло въ дальнїя эпохи и жить съ ними, какъ - бы въ качествѣ ихъ современника, мѣшала ему исполнять обязанности историка. Онъ слишкомъ любилъ побѣжденныхъ и проигравшихъ свое дѣло, слишкомъ возмущался, когда побѣдители кичливо предавались торжеству, хотя бы послѣднее было вынесено самымъ историческимъ ходомъ дѣлъ и необходимостію. Въ числѣ его замѣтокъ находится одна, весьма важная, которая показываетъ, что онъ радъ былъ встрѣтиться на пути своихъ изслѣдованій съ соображеніями, которыя открывали ему возможность войти въ роль безстрашнаго судьи и резонѣра гораздо полнѣе, чѣмъ онъ дѣлалъ это доселѣ:

«Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первые суть плоды *ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости*; вторые — нерѣдко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнудомъ. Первые были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторые — вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика.

«NB. Это внести въ исторію Петра, обдумавъ».

Итакъ, вотъ та твердо поставленная программа, изъ которой долженъ былъ у Пушкина возникнуть образъ великаго монарха. Самъ собой рождается при этомъ вопросъ — была ли возможность этой программѣ, по времени, осуществиться на-дѣлѣ? Прежде всего тутъ бросается въ глаза нѣсколько искусственное дѣленіе цѣльной фигуры преобразователя на двѣ части, имѣющія каждая свое особенное выраженіе. Очень много возраженій способно вызвать такое предполагаемое раздвоеніе политической дѣятельности у Петра I, такъ какъ источникъ ея, при всемъ ея разнообразіи, былъ одинъ и тотъ же — сознаніе могущества самодержавной власти, вѣра въ дѣло, заботливость о будущемъ государства, непреклонная воля. Все это уравнивало передъ лицомъ реформатора всѣ сферы общества и администраціи и клало одинаковую печать

на всё его распоряженія, великія и малыя, безъ различія. Государственныя учрежденія, несмотря на свое коллегіальное устройство, слѣдили за всякимъ настроеніемъ учредителя и предупреждали его, не вѣря въ свою самостоятельность; въ частныхъ, хозяйственныхъ предписаніяхъ могущественнаго «помѣщика» легко усмотрѣть не малую долю благожелательства и мудрости, несмотря на ихъ жестокую форму, которая такъ возмущала Пушкина. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, слѣдуетъ остановиться еще на другомъ. Если бы Пушкину и удалось, силой большого таланта, провести искусно и счастливо параллель своей программы въ историческомъ изложеніи—кого бы она удовлетворила?—Большинство публики и весь оффиціальный міръ ждали отъ поэта просто лучезарнаго лика Петра I и, конечно, возмущались бы всякимъ яркимъ пятномъ, которое бы на немъ примѣтили; съ другой стороны, даже и позволеніе на самый осторожный и необходимый, по существу дѣла, вводъ тѣней въ образъ монарха Пушкинъ принужденъ былъ бы покупать цѣною едва-внятныхъ намековъ, полу-отверженій, недоговоренныхъ мыслей, что лишило бы его трудъ всякаго наукообразнаго значенія въ глазахъ свѣдущихъ и компетентныхъ судей. Въ виду разнообразныхъ и одинаково настоятельныхъ требованій, успѣхъ исторіи становился сомнительнымъ, какою бы дорогою, впрочемъ, самъ авторъ ни выбралъ. При такихъ условіяхъ труда, естественно, что онъ долженъ былъ остановиться у Пушкина—и остановился дѣйствительно.

Какъ-бы предчувствуя свою неудачу, Пушкинъ успѣлъ открыть для себя въ архивахъ побочное дѣло, которое утѣшило его отчасти за медленный ходъ главной работы. Часто случается, что изслѣдователь, свободно и довѣрчиво допущенный ко всѣмъ сокровищамъ богатаго книгохранилища, знакомится тамъ съ документами, не касающимися прямо его предмета, но въ высшей степени интересными. Такимъ документомъ, завладѣвшимъ всѣмъ вниманіемъ Пушкина, оказалось дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ: оно сразу пробудило въ немъ производительную энергію, которая дремала за составленіемъ все разраставашагося сборника петровскихъ указовъ и крупныхъ чертъ его жизни и примѣчаній къ нимъ. Правда, что это второстепенное, побочное дѣло прямо перенесло Пушкина въ сферу творчества, въ ту сферу, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ и господиномъ своего таланта. Выписывая оффиціальныя данныя о Пугачевскомъ бунтѣ и передѣлывая ихъ въ простой, чрезвычайно сдержанный и строгій разсказъ—Пушкинъ въ то же время воплощалъ духъ эпохи, и представлялъ картину событія и жизненныя его подробности въ мастерскомъ ро-

манѣ, — известной «Капитанской дочкѣ». Эта образцовая историческая повѣсть зачалась въ архивной пыли, выросла на донесеніяхъ, промеморіяхъ, слѣдственныхъ процессахъ, снятыхъ ея авторомъ съ молчаливыхъ пологовъ, гдѣ они такъ долго покоились, а закончилась въ одной изъ уральскихъ станицъ, куда въ слѣдующемъ 1833 году Пушкинъ отправился черезъ Казань, Симбирскъ и Оренбургъ для провѣрки и осмотра мѣста дѣйствій, какъ своего романа, такъ и своей исторіи. Эти близнецы назначены были пополнять одинъ другого.

Исторію Пугачевского бунта, которую озаглавить Пушкинъ хотѣлъ первоначально народнымъ, генерическимъ прозвищемъ всей эпохи: «*Пугачевщина*», нельзя назвать въ настоящемъ смыслѣ слова исторіей. Это скорѣе дѣльная, хорошо составленная докладная записка, назначенная для быстрого ознакомленія съ предметомъ читателя, который бы заинтересовался имъ, — чѣмъ и объясняется ея хладнокровный, чисто объективный и невозмутимый тонъ, который такъ восхищаль друзей поэта, и, между прочимъ, Н. В. Гоголя, когда она явилась въ печати. Всѣ краски, бытовые подробности, вся живость изображенія этой русской «жаверіи» выпали на долю «Капитанской дочки». Известно — какимъ изяществомъ постройки она отличается, какимъ добродушнымъ юморомъ вѣетъ отъ описанія патриархальныхъ порядковъ того времени и созданія типическихъ характеровъ въ духѣ эпохи...

Романъ и историческая записка составили какъ-бы отдыхъ для Пушкина, явились чѣмъ-то въ родѣ его *междудѣлія*, которое однакоже еще сильнѣе напоминало ему самому и всѣмъ другимъ о главной задачѣ, за нимъ еще числящейся. Первенствующій его трудъ не подвигался впередъ, даже собственно говоря не начинался вовсе, а нетерпѣніе публики видѣть первые его всходы росло съ года на годъ. По разсказамъ приближенныхъ Пушкина, его особенно тревожила мысль, что долгіе сборы его на заложеніе фундамента исторіи — будутъ приписаны, пожалуй, отвращенію къ герою ея, могутъ показаться бѣгствомъ съ поля сраженія, или, что еще хуже, дадутъ поводъ подозрѣвать его въ преднамѣренномъ обманѣ... Пушкинъ никогда не терялъ надежды найти выходъ изъ раздвоеннаго психическаго состоянія, въ какомъ находился по отношенію къ личности Петра I. Онъ продолжалъ свои работы, и еще въ предпоследній годъ своей жизни (1836) уѣхалъ въ Москву и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тамошнемъ архивѣ М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Но это было уже только мимическомъ дополнительныхъ свѣдѣній, потому что главные подго-

товительныя работы были кончены еще въ прошломъ 1835 г., какъ оказывается изъ подписи на послѣдней страницѣ его сборника матеріаловъ: «15 декабря 1835».

Заканчивая нашъ опытъ передачи, по неизданнымъ документамъ, политическихъ и общественныхъ идеаловъ Пушкина, не можемъ обойтись безъ послѣдней замѣтки. Идеалы поэта могутъ показаться теперь несостоятельными въ своей сущности, построенными на данныхъ, чуждыхъ русской жизни; утопическій, мечтательный ихъ характеръ можетъ быть обсуждаемъ и осуждаемъ болѣе или менѣе строго, а научная сторона ихъ — не выдерживать повѣрки и проч.; но человѣкъ, лелеявшій подобныя идеалы *пятьдесятъ* лѣтъ тому назадъ, останется въ приговоровъ и заключеній, какіе-бы ни дѣлали о его ученіяхъ и теоретическихъ взглядахъ. Онъ всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ при жизни — представителемъ типа гуманнаго развитія въ свою эпоху, примѣромъ человѣка, который, при всѣхъ обстоятельствахъ, сохранялъ живое гражданское чувство, и всю жизнь обнаруживалъ неустанную энергію въ проповѣди справедливыхъ, честныхъ отношеній между людьми, за что и подвергался часто обвиненію въ безпокойномъ либерализмѣ, — который, наконецъ, всею душою постоянно желалъ для своей родины умноженія правъ и свободы, въ предѣлахъ законности и политическаго быта, утвержденного всемъ прошлымъ и настоящимъ Россіи...

П. АННЕНКОВЪ.

Май, 1880 г.
